

Подспорье

Приложение к газете «Соратник» Союза борьбы за народную трезвость

Издается с мая 2001 г.

№ 4(187)

май 2019 г.

Читайте в номере:

А.В. Немцов, «Алкогольная история России: Новейший период», (продолжение) – стр.1;

«Как избавить подростков от зависимостей», – стр.22;

Немцов А.В.

Алкогольная история России: Новейший период

Продолжение, начало в газете «Подспорье» № 3(186)

Глава 1-2. АЛКОГОЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНАХ МИРА

Россия долго жила отгороженной от мира «железным занавесом». Советские люди практически ничего не знали о современной жизни людей за пределами страны. Следствием была утрата ориентиров, как для самооценки, так и для отношения к людям «из-за кордона». Это породило у населения популяционный эгоцентризм, который часто принимал форму то шапкозакидательства, то низкопоклонства, то «коктейль» из этих противоречивых движений души. Способствовала этому советская пропаганда с одной стороны, а с другой – крохи обрывочных сведений о жизни людей на Западе, проникавшими к нам кинофильмами или редкими добротными бытовыми предметами. Нереалистичность взгляда на мир ломало и ломает психологию людей, а иногда – их судьбы. Менее драматично это проявлялось и проявляется в одной узкой области быта – в алкогольной. Например, до сих пор многие россияне уверены, что финны спиваются. А думают они так потому, что немногие финские алкоголики приезжают в Санкт-Петербург с единственной целью – напиться, так как на родине сделать это очень непросто.

В переключке с Ф.Тютчевым («Умом Россию не понять, ...») другой русский поэт через сто с лишним лет призвал «Давно пора, ... /Умом Россию понимать». Для этого надо, наконец, не только реалистично относиться к себе, к своему населению, но и знать, как и чем живы другие народы, как пьют за рубежами нашей родины, какие у них алкогольные проблемы.

Прежде всего, следует отметить, что потребление алкоголя в странах мира отличается большим разнообразием, которое проявляется как количеством потребляемого алкоголя, так и видами доминирующих напитков, с преобладанием крепких напитков, вина или пива. Вторая важная особенность алкогольной ситуации в мире состоит в том, что размеры и стили потребления меняются со временем, часто неоднозначно в разных странах. Поэтому не может быть общего описания алкогольной ситуации в мире. По меньшей мере, оно должно

иметь привязку ко времени и стране, хотя существуют и некоторые общие тенденции (глава 2-2).

В этой главе основным показателем алкогольной ситуации в странах мира избран уровень потребления алкоголя. Такой выбор сделан ради краткости изложения, хотя описание алкогольной ситуации нельзя сводить только к этому показателю: уровень потребления спиртного – ведущий, но не единственный фактор тяжести алкогольной ситуации.

При этом надо иметь в виду, что этот уровень, а, следовательно, и тяжесть ситуации можно оценивать по-разному. Уже говорилось о потреблении среднедушевом и с 15-летнего возраста. Но страны различаются не только долей детей и подростков в популяции, но также пропорцией пьющих, например, 93% в Перу и Дании, 65% в США и 40% в Коста-Рике (Baboretal., 2003, Global-StatusReportonAlcohol 2004, 2004). Поэтому, нагрузка алкоголя на пьющих выше в США, чем, например, в Дании, хотя среднедушевое потребление в Дании выше. Однако эти важные детали придется опустить, так как нас будет интересовать общенациональные проблемы, связанные со спиртным. Поэтому приводимые ниже данные имеют вид среднего потребления с 15-летнего возраста, как принято во всем мире, а среднедушевые показатели в пересчете автора будут специально оговорены.

Следует отметить еще одну особенность алкогольной информации: ее доступность и полнота в разных странах неодинакова. Это касается и сведений о потреблении. Наиболее надежные данные относятся к промышленно развитым странам Европы и Северной Америки.

Западная Европа, США и Канада

Со времени начала учета потребления алкоголя в Западной Европе страны этой части континента пережили два пика потребления. Первый пришелся на последние десятилетия XIX века (Negrete, 1980, Room, 1991). Это связано со многими факторами, но в первую очередь с привлечением больших масс людей к заводской и фабричной деятельности, с ростом городов и с про-

мышленным производством дешевого спирта.

Однако, уже в начале XX века в некоторых богатых странах Европы, например, в Англии (рис. 1-2а) и Германии (рис. 1-2б), началось медленное снижение потребления алкоголя, особенно крепких напитков. Это было связано с промышленной революцией, которая привела к увеличению количества, улучшению качества и расширению ассортимента промышленных товаров вместе с их удешевлением. Товары стали доступными для широких слоев населения. Тем самым были созданы альтернативы спиртным напиткам, товары стали конкурировать с выпивкой (Plant, 1991). Было бы упрощением связывать снижение потребления в этот период только с одним этим фактором: в это же время начался рост налогов и, соответственно, цен на спиртное. Иначе говоря, в конце XIX - начале XX века в некоторых странах Европы и Северной Америки началось государственное регулирование алкогольного рынка, а вместе с этим - медленное снижение потребления еще до начала 1-ой Мировой войны (рис. 1-2а). Такое изменение алкогольной ситуации в начале XX века можно было отметить как наиболее общую тенденцию на Европейском и Североамериканском континенте. Исключение составляли винодельческие страны. Франция, например, достигла беспрецедентно высокого уровня потребления в конце XIX века (более 20 литров чистого алкоголя на человека в год), и, за исключением периодов 1-ой и 2-ой мировых войн, поддерживала высокий уровень потребления до начала 1960-х годов (18,0 литров на человека в год, 1963 г.).

Резкое снижение потребления в связи с 1-ой Мировой войной произошло не только во Франции, но и почти во всех Европейских странах. Это показывает, что распад мирной экономики в связи с войной сильнее сказывается на потреблении спиртного, чем физическое и психическое напряжение, резко возрастающие в это время. После войны, в 20-30-е годы XX столетия, в связи с послевоенной экономической разрухой сохранялся сравнительно низкий уровень потребления. Он еще более понизился во время 2-ой Мировой войны.

Однако после того, как были залечены самые глубокие раны войны с середины 50-х годов в странах Европы и Северной Америки начался новый рост потребления алкоголя. И первыми в этот процесс включились промышленно развитые страны. В Европе исключением была Франция, где в конце 1950-х - начале 1960-х годов началось снижение потребления (рис. 1-2б). С начала 1970-х годов снижение этого показателя началось также в Италии, несколько позже - в Испании и Португалии (Simpura, 1995, GualandColom, 1997), т.е. почти во всех европейских винодельческих странах с очень высоким уровнем потребления: Италия (13,9 литров, 1973г.), Испания (14,2 литра, 1975 г.) и Португалия (14,1 литра, 1976 г.; WorldDrinkTrends, 1994). В этих странах снижение общего потребления произошло в значительной степени за счет почти двукратного сокращения потребления вина.

Несколько факторов ответственны за эти изменения, их действие было неоднозначным в разных странах, однако ведущим можно считать увеличение в потреблении доли пива и крепких напитков (GualandColom, 1997), а также появление новых для этих стран безалкогольных напитков, малоизвестных в Европе за 30-40 лет до того (содовая, минеральная вода, соки).

Вытеснению вина, традиционного напитка для стран Средиземноморья, способствовал маркетинговый на-

тиск небольшого числа очень мощных интернациональных фирм-производителей пива и крепких напитков, в то время как винный рынок обеспечивался большим числом средних и мелких предприятий, неспособных противостоять натиску крупных. Кроме того, в отношении пива допускалась более широкая реклама в связи со сравнительно низким содержанием алкоголя. Повлияла также послевоенная урбанизация сельского населения, и, как следствие, изменение образа жизни, в частности, уменьшение роли общесемейного потребления пищи, во время которого выпивалось много вина. Питание вне семьи стало чаще сопровождаться пивом, которое к тому же стало более традиционным напитком выходных дней (Sulkunen, 1989). Несмотря на все эти факторы, Франция, Португалия, Италия и Испания остаются среди ведущих потребителей вина. Но сейчас в эту группу входят Люксембург, Швейцария, Дания и Австрия, т.е. страны, далекие от Средиземноморья. В этих странах алкоголь вина составляет почти половину потребляемого алкоголя.

Снижению потребления алкоголя в некоторых странах Европы и Северной Америки способствовало также расширение общественного понимания вреда и опасности алкогольных напитков, в первую очередь - крепких, более всего - в связи с дорожными происшествиями, и особенно - среди детей, подростков и молодых людей. В связи с этим в Европе и Америке возникло много общественных организаций, которые активно проводили антиалкогольные акции. Одна из них стала особенно широко известной. В 1996 г. в США по инициативе общества «Матери против пьяных водителей» в Капитолии штата Флорида были выставлены 724 пары обуви. Все они принадлежали детям, погибшим в автокатастрофах по вине пьяных водителей только в одном штате и только в 1995 г. Множественные действия такого рода в свою очередь стимулировали политические решения в отношении минимального возраста, времени и места продажи спиртного, запрет выпивок на рабочем месте.

Были также экономические причины снижения потребления, в частности, алкогольная политика Европейского Экономического Сообщества (т.н. "Общий рынок" или ЕЭС), которое сделало условием вступления Испании и Португалии в Сообщество резкое сокращение производства вина. Следствием стал быстрый рост цен на вино в этих странах по сравнению с другими напитками.

Многие из этих факторов сыграют свою роль позже в снижении потребления алкоголя в других странах, однако большинство стран Европы и Северной Америки наращивали потребление до конца 1970-х - начала 1980-х годов (рис. 1-2б). В целом за 15 лет с 1965г. по 1980г. потребление алкоголя на душу населения выросло в мире на 15% (WalshandGrant, 1985), а за 25 (1960-1985) - на 50 % (Robinson, 1986).

Особенно быстро росло потребление в тех европейских странах, где в послевоенную пору оно было низким, на уровне 2-4 литров на человека в год (ФРГ, Финляндия, Исландия, Норвегия, Швеция). Так, в ФРГ с 1950 г. по 1980 г. увеличение составило 320%, в Финляндии - 240%. Там, где в конце войны потребление было высоким (например, нейтральная Швейцария - 10,4 литров) прирост был относительно умеренным (30%).

В ряде стран уровень потребления сохранялся на протяжении 1980-х и 1990-х годов (Великобритания, Дания), а в Финляндии рост происходил еще в начале нынешнего века. Однако, как отмечалось выше, в других странах

Европы с особенно высоким потреблением (Франция, Испания, Италия) в послевоенную пору произошло заметное снижение потребления. Эти разнонаправленные процессы вели к сближению уровней потребления алкоголя в указанных странах (рис. 1-2б).

Но дело не только в общем росте количества потребляемого алкоголя в послевоенную пору; происходили качественные изменения алкогольного потребления, тенденции которого в мире становились все более универсальными. Так, в винодельческих районах увеличивалась доля пива и крепких напитков, которые раньше преобладали в северных странах, где началось увеличение потребления вина. Т.о. сближение европейских стран происходило и по видам потребляемых напитков.

Общая тенденция состояла в том, что в случае яв-

ного доминирования одного из видов традиционных напитков (крепкие, вино, пиво) происходило снижение его доли в потреблении, замещение "иностранными" видами спиртного, хотя доминирование национальных напитков сохранялось. В целом же, в 22 странах ЕЭС общая тенденция потребления в 1970-1990-х годах была направлена к такому соотношению: 50 % пива, 35 % вина и 15 % крепких напитков. Сейчас признано, что это соотношение является оптимальным для минимизации негативных последствий (Edwardsetal., 1994).

Иллюстрацией могут служить данные по отдельным странам Европы (таблица 2) и России для сравнения. При этом надо учесть, что за основу взяты официальные данные 1988 г., когда в нашей стране еще шла антиалкогольная кампания.

Таблица 2. Изменение потребления основных алкогольных напитков в некоторых странах Европы (1998 г. в процентах к 1988 г.).

Страны	Крепкие напитки	Пиво	Вино
Бельгия	-28	-17	+8
Великобритания	-27	-13	+27
Германия	-5	-11	-12
Испания	-11	-3	-12
Италия	-50	+15	-18
Польша	-26	+33	-23
Португалия	-3	+22	-1
Франция	-3	-2	-22
Чешская Республика	-52	+23	+30
Швейцария	-27	-13	-13
В среднем	-23,2	+3,4	-3,6
Россия	+233	+31	-6

Источники: World Drink Trend 1999, Global Status Report on Alcohol 2004

В потоке борьбы за снижение потребления не обошлось без казусов; иногда происходило не столько замещение, сколько добавление новых видов напитков к традиционным. Это было особенно характерно для стран с очень быстрым ростом общего потребления. Так было, например, в Финляндии, чей неудачный опыт антиалкогольной политики поучителен. Правительство, обеспокоенное высоким уровнем и быстрым ростом потребления алкоголя (2,5 литра в 1965г. и 3,1 в 1968 г.), ввело в стране новый алкогольный закон (с 1 января 1969 г.). Главная часть этого закона включала либерализацию производства и значительное расширение продажи пива и легких вин, которые, по мнению законодателей, должны были "потеснить" крепкие напитки. В результате за один год в структуре потребления резко увеличилась доля пива (на 135 %) и вина (на 14 %). При этом уровень крепких

напитков снизился, но незначительно. Соответственно, произошло увеличение общего потребления алкоголя (4,3 литра в 1969 г. и 6,5 в 1974 г.), после чего этот уровень стабилизировался (Ляликов, 1987) на уровне 6,6-7,1 литра (1995-1998 гг.).

Сближение уровней, типов и характера потребления алкоголя в промышленно развитых странах мира, обозначаемое как *гомогенизация* потребления, тесно связана с унификацией образа жизни в этих странах. Одну из сторон этих процессов, сближение уровней потребления, характеризуют данные по 12 странам Европы и США. Обращает внимание существенное снижение разнообразия уровней потребления (стандартное отклонение), несмотря на снижение потребления к 1950 г. и его рост в 1950-1980 гг. (таблица 3, расчет стандартного отклонения сделан автором).

Таблица 3. Изменение среднего уровня потребления и его разнообразия (стандартное отклонение; литры чистого алкоголя на человека в год) в 12 странах Европы* и США.

Годы	1905	1950	1960	1970	1980	1990
Среднедушевое потребление	9,4	6,9	7,6	8,4	9,6	8,7
Стандартное отклонение	6,2	5,0	5,1	3,8	3,2	2,4

* Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Швейцария и Швеция. Источник: <http://www.naa.cnt.ru>

Почти все эти данные касаются официальных показателей и регистрируемого алкоголя. Для большинства западноевропейских стран нерегистрируемое потребление предположительно составляет 5-20 % от общего, но 24% для Польши, 28 % для Финляндии и 33 % для Норвегии

(1998, Rehneta., 2001). Те же авторы дают значительно большие показатели нерегистрируемого алкоголя для России (95%), прибалтийских стран бывшего СССР и его бывших европейских стран-сателлитов. При этом надо иметь в виду, что определение регистрируемого

и особенно нерегистрируемого алкоголя представляет большие трудности. Отсюда некоторые разночтения у разных авторов и при разных методиках оценки потребления алкоголя (рис. 1-3а и 1-3б).

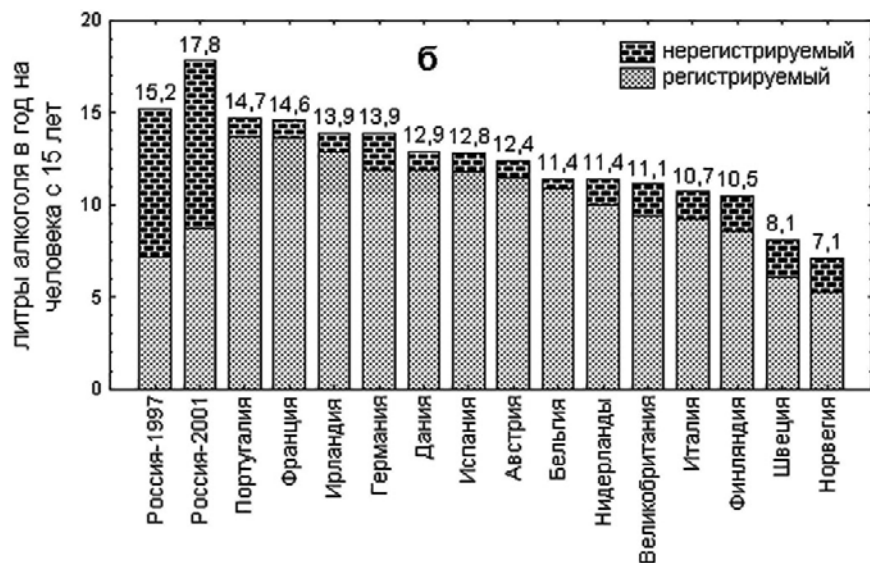

рис. 1-3а

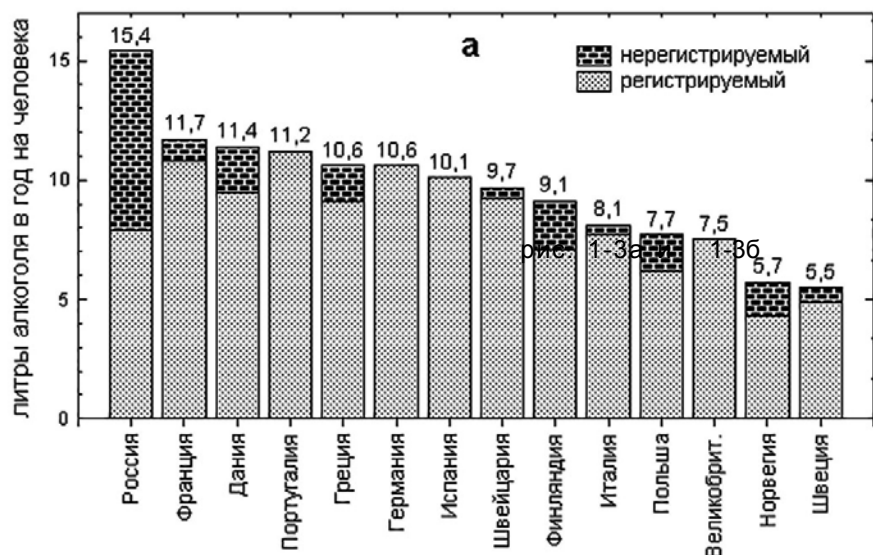

рис. 1-3б

Рис. 1-3. Потребление алкоголя в странах Европы по данным двух источников: WorldDrinkTrends (1999; 1-3а) и Leifman (2001, 1-3б), относящиеся к 1997-1998 гг. (1-3а) и 1996-1998 гг. (1-3б). На рис. 1-3а данные о нерегистрируемом алкоголе в 4-х странах отсутствуют. Россия представлена данными автора, пересчитанными для возраста с 15 лет.

«Линейное» изложение алкогольной ситуации в Европе и США должно быть дополнено, по меньшей мере, анализом еще двух факторов, играющих важную роль в потреблении – ценой напитков и доходами населения, которые могут существенно влиять на потребление крепких напитков, которое возрастает на фоне экономического подъема и снижается при спаде. А высокие цены на крепкие напитки в некоторых странах (Дания, Ирландия) делают их предметами роскоши в отличие от пива, которое чаще всего бывает предметом заурядного спроса и воспринимается многими как пищевой продукт.

В целом же в послевоенную пору рост потребления в Западной Европе и Северной Америке отражал рост реальных доходов и снижение фактических цен спиртных напитков. Начиная с 60-х годов, цены на алкоголь стали

снижаться, иногда значительно. Так, в целом по Европе часовая зарплата промышленного рабочего позволяла приобрести такое же количество спиртного, как дневной за десять лет до этого (Уолш, 1985). Несколько другая

ситуация в США, где в последние 40 лет происходил непрерывный рост цен на крепкие напитки. Однако доходы населения росли еще быстрее. В результате с 1960 г. реальная цена крепких напитков снизилась на 48 %, пива - на 27 %, а вина - на 20 % (Mocher, 1988), и как следствие - затраты американской семьи на алкогольные напитки уменьшилась с 5,0 до 1,4 % (Trembl, 1982). При этом потребление выросло с 5,6 литров в 1961 до 8,2 в 1980 г.

Зависимость потребления от уровня доходов проявилась во время экономического спада 1974-1975гг. в результате нефтяного кризиса, когда во многих странах Европы прекратился прирост выпиваемого алкоголя, а в Англии потребление крепких напитков даже снизилось в течение недолгого времени. Окончание рецессии восстановило прежние темпы роста потребления алкоголя (Plant, 1992).

Увеличение реальных доходов в 50-80-е годы неодинаково коснулось разных социальных групп населения промышленно развитых стран. Возможно, наиболее существенные изменения произошли в экономическом и социальном положении женщин, что сделало их более самостоятельными и независимыми. Одним из проявлений этого стало снижение моральных и социальных ограничений на употребление спиртного женщинами и появления их нетрезвыми в общественных местах. Результат такой эмансипации не замедлил сказаться на росте женского алкоголизма: в начале XX века в европейских странах одна женщина-алкоголичка приходилась на десять мужчин-алкоголиков, а в 80-е годы это соотношение составляло 1:5, а в некоторых странах выросло еще больше (1:3,4; ФРГ, 1985г.).

Изменилось представление и о социальном положении пьющих. В первой половине прошлого века, считалось, что злоупотребление алкоголем характерно в основном для представителей малоимущих классов. Однако позже удалось показать, что высокое потребление характерно как для тех, кто испытывает материальную нужду (и, кстати, более доступен наблюдению), так и для людей с высокими доходами, чья деятельность сопряжена с большой ответственностью и мобильностью, хотя и более закрыта для наркологического исследования (глава 1-1 и 2-2).

В 1960-1970-е годы «пьющего» возраста достигло поколение, появившееся на свет в результате первого послевоенного взрыва рождаемости. Его многочисленность и особый социальный статус в связи с ослаблением семейных связей серьезно повлияли на послевоенный рост потребления. Это проявилось, например, в том, что

в некоторых европейских странах (Финляндия и др.) в 70-е годы возраст максимального потребления алкоголя, снизившись, пришелся на 30 лет. Серьезной проблемой стал ранний алкоголизм, формирующийся до 18-летнего возраста.

Увеличение числа больных алкоголизмом стало наглядным индикатором и результатом роста алкоголизации. Оценить эту проблему в полном объеме трудно - большая часть больных остается неучтенными. Кроме того, критерии диагностики алкоголизма с годами меняются. С учетом этого и по приблизительным оценкам в США в 80-е годы их число составляло от 10 до 15 миллионов или от 4 до 6 % населения. Но существует и более высокая оценка - 8 % (Nase, 1984).

Важно подчеркнуть, что в США во время бурного распространения наркотиков и наркоманий «алкоголь оставался наиболее широко используемым наркотиком» (Seixas, 1979). Остается он таковым и позже. Так, в США в 1987г. количество смертей в связи с наркотиками (главным образом, опиаты, кокаин и марихуана) составило 6,75 тысяч, а в связи с потреблением алкоголя - 125 тысяч (Fahrenkrug, 1990). Сходное соотношение потерь характерно и для других промышленно развитых стран, несмотря на то, что снижение потребления алкоголя охватывает все больше регионов мира.

Новая тенденция, помимо указанных выше факторов, отражает изменение глубинных ценностей постиндустриального общества и связана отчасти с новыми технологиями, компьютеризацией и интернетом. А главное, в мире снова происходит мобилизация консервативных сил, правда, уже под флагом других идей, которые привнес постмодернизм, и сопровождается увеличением «экологических ниш», большей терпимостью к инакомыслию и новым формам поведения, наконец, отходом от унификации истины. Это привело к большей свободе и расширению допустимых стилей жизни и форм существования. Однако в свободном, материально благополучном обществе невозможно изжить все конфликты, всегда найдутся психологически несвободные люди, неуверенные в себе, одинокие, склонные к колебаниям настроения, зависимые от внешних обстоятельств. Одним из них будет достаточна психологическая поддержка, другим потребуются фармакологические «костыли», а третьи будут прибегать

к таким «утешителям», как алкоголь или наркотики.

Все больше ценится здоровье, как личное, так и общественное (национальное). Здоровый образ жизни становится также этическим понятием и приобретает почти материальную ценность. Западный мир вкладывает в здравоохранение все больше средств. Похоже, что здоровье населения стало национальной идеей США и некоторых стран Европы. По уровню доходов бедные приближаются к богатым, молодые к зрелым работникам, и все больше людей воссоединяется в один новый класс - класс потребителей. «Потребление вещей» вытесняет потребление алкоголя, и западное общество настраивается все более негативно к злоупотреблению спиртным.

Появился новый жаргонный термин, и в английском (thingism), и в русском (вещизм), обозначающий повышенный интерес к предметам быта, переходящий в зависимость от них и накопительство. В России найдется много людей, которые ставят знак равенства между такой зависимостью и бездуховностью, будто бедность и духовность – родные сестры. Для нашей темы важно, что «вещизм» уже не раз становился и сейчас «работает» как мощный антиалкогольный фактор. Популяционные примеры приведены выше, а на индивидуальном уровне часто удерживает от пьянства. Так, приобретение алкоголиком в ремиссии собственности (например, автомобиля) предупреждает возобновление алкоголизации. Если же говорить более общо, то причиной снижения потребления в США и Канаде, лучше других стран проанализированных в этом отношении, являются глубокие культуральные изменения (Smart, 1989, Clarka. Hilton, 1991, Room, 1991).

В заключение этого раздела можно привести данные ВОЗ о регистрируемом потреблении алкоголя в странах Западной Европы и Северной Америки в 2000-2001 гг. (таблица 4). При анализе этой таблицы не следует забывать, что она составлена для населения с 15 лет, а подростки составляют от 14% (Греция, Италия) до 23 % (Исландия) населения стран этого региона. Кроме того в ее основе - только регистрируемый алкоголь, т.е. неполное потребление. В результате данные таблицы отличаются некоторой приблизительностью. Однако несомненно, что Западная Европа и Северная Америка имеет самое высокое потребление алкоголя среди других регионов мира.

Таблица 4. Регистрируемое потребление алкоголя в странах Западной Европы и Северной Америки (2000-2001 гг.; литры чистого алкоголя на человека с 15 лет; в скобках указано среднедушевое потребление – пересчет автора).

Страны	Потребление	Страны	Потребление
Люксембург	17,5 (14,2)	Бельгия	10,1 (8,3)
Ирландия	14,5 (11,5)	Нидерланды	9,7 (7,9)
Франция	13,5 (10,9)	Греция	9,3 (8,0)
Германия	12,9 (10,9)	Италия	9,1 (7,8)
Австрия	12,6 (10,6)	США	8,5 (6,7)
Португалия	12,5 (10,5)	Канада	8,3 (6,8)
Испания	12,3 (10,5)	Швеция	6,9 (5,7)
Дания	11,9 (9,6)	Словения	6,6 (5,5)
Швейцария	11,5 (9,5)	Норвегия	5,8 (4,6)
Финляндия	10,4 (8,5)	Исландия	5,7 (4,4)
Великобритания	10,4 (8,4)		

Источнику: Food and Agriculture Organization of United Nation, World Drink Trend 2003, GlobalStatus Report on Alcohol 2004.

Восточная Европа

В отличие от Западной Европы и Северной Америки официальные данные, относящиеся к Восточной Европе, требуют осторожности в их интерпретации. Особенно это касается сведений из новых стран, образованных при распаде Советского Союза. Несомненно, что в бывших балтийских республиках (Литва, Латвия, Эстония) при советской власти потребление алкоголя приближалось к российскому, т.е. было очень высоким с доминированием крепких напитков. Так, например, для Латвии в 1984 г. официальные данные составляли 10,5 литров алкоголя на человека в год (столько же для России), но оценка реального потребления превышала 13 литров и была лишь немногим меньше российской (Nemtsov, 1992).

Позже три прибалтийские республики вместе с остальным Советским Союзом провели антиалкогольную кампанию со снижением (Латвия 9,8 литров; 1987) и последующим ростом потребления алкоголя (Латвии 13,4 литра; 1991; Nemtsov, 1992). Однако Strzdins (1994) и Strzdins et al. (1995) считают, что в Латвии в первой половине 1990-х годов оно составило от 16 до 20 и даже 27,3 литров среднедушевого алкоголя (Strzdins et al., 1996), тогда как в Эстонии и Литве потребление оценивалось в 9-12 литров алкоголя (Kariis, 1994, Subata a. Grimaluskienne, 1994). Сходство динамики потребления в прибалтийских республиках в предшествующие годы делает маловероятным такое различие в 1990-е годы, и оценки латышских авторов для Латвии, основанные на модельных построениях, представляются завышенными. Оценки потребления алкоголя в Белоруссии, Украине и Молдове близки к 9-12 литрам (GlobalStatusReportonAlcohol 2004, 2004, Rehnetal., 2001).

В отличие от бывших республик Советского Союза, в которых понижение потребления алкоголя произошло в результате антиалкогольной кампании и мощного давления сверху, в Польше в начале 1980-х годов снижение произошло в результате политического давления снизу: вновь образованная "Солидарность" обвиняла правительство в спаивании народа. Горячие общенациональные дебаты сопровождались снижением производства спиртных напитков, нормированием продаж, их ограничением по времени и повышением цен на алкогольные напитки (Moskalewicz et al., 1997). В результате потребление алкоголя по официальным данным снизилось с 8,7 литров в 1980 г. до 6,4 в 1982-1983 гг., а позже стабилизировалось на уровне 7,0-7,2 литра, из которых около 6,0 литров приходилось на водку. С 1990 г. польская статистика учитывает только напитки, произведенные в стране, игнорируя алкогольный импорт. Не может польская статистика учесть также нелегальный самогон, который по оценкам ВОЗ составлял в конце 1990-х 1,5 литра (WorldDrinkTrends 1999). Новые экономические условия и либерализация торговли спиртным привели к тому, что между 1989 и 1992 гг. в Польше произошло резкое увеличение потребления, возможно на 50%, что подтверждается резким ростом алкогольных психозов. В это время сходное увеличение потребления отмечено в Словакии и Болгарии (Moskalewicz et al., 1997).

В Чехословакии в послевоенное время потребление водки было сравнительно стабильным и низким (3,5-4,4 литра алкоголя; Moskalewicz et al., 1997, GlobalStatusReportonAlcohol 2004), однако общее потребление неуклонно росло и достигло в 1995 г. 10,1 литра на человека в год, главным образом, за счет неуклонного роста потребления пива: в самые последние годы XX века Чехословакия опе-

редила Германию по потреблению пива и стала ведущей страной в мире по этому показателю: 9,4 литра алкоголя в составе пива (2000 г.); Германия (7,3 литра) – на четвертом месте после Ирландии (9,2 литра) и Швейцарии (7,5 литра; GlobalStatusReportonAlcohol 2004). Для сравнения алкоголь пива в России в 2000 г. составлял 1,5 литра.

Следует иметь в виду, что Чехословакия в отличие от Польши откликнулась на горбачевскую антиалкогольную кампанию в СССР и на короткое время снизила потребление с 9,2 литра в 1984 г. до 8,0 литров в 1987 г. После распада Чехословакии выяснилось, что чешская ее часть в потреблении превосходила словацкую: в 2000 г. потребление в двух странах соотносилось как 13,6 и 11,6 литра.

Венгрия отличается высоким потреблением алкоголя: в 1980 г. оно составляло 11,8 литров на человека в год. Позже в этой стране по официальным данным началось снижение потребления, которое в 1995 г. достигло 10,2, а в 1998 г. 9,4 литров. Однако, предполагается, что в Венгрии очень высокий уровень нелегального производства и потребления алкоголя, не менее 4 литров (1995 г; Rehm, Gmel, 2001), а возможно и больше (1998 г., Rehnetal., 2001).

Болгария и Румыния имеют сходные показатели по уровню потребления (7,13 и 7,63 литра, 3-4 литра нерегистрируемого алкоголя; 2001) и по общему характеру: доминирование вина незначительно на фоне снижения общего потребления алкоголя с начала 1980-х годов, когда оно составляло 11,5-12,5 литров.

Южная (латинская) Америка

Экономические трудности, переживаемые многими странами этого континента, долгое время мешали получению добротной статистики, в частности, по потреблению алкоголя. А общее впечатление складывалось таким образом, что в отличие от промышленно развитых стран, в этом регионе мира шло быстрое увеличение потребления (Smart, 1991). Об этом отчасти свидетельствовал рост заболеваемости циррозом печени (например, с 1952 по 1982 гг. в Чили эта заболеваемость выросла на 70%; Naveillan and Vargas, 1989).

Сейчас в результате большой работы, проведенной под эгидой ВОЗ (Baboretal., 2003, GlobalStatusReportonAlcohol 2004, 2004) алкогольная ситуация в странах Южной Америки стала намного яснее. Обнаружилось большое различие, как по уровню потребления, так и по его тенденциям в разных странах региона. Это, а также большое число сравнительно небольших по населению стран мешает краткости обзора. В связи с этим стоит рассмотреть потребление алкоголя в самых крупных государствах Латинской Америки (таблица 5), потребление в которых различается в 4-5 раз между крайними в ряду странами. При анализе материала, который представлен ниже, надо помнить, что многие из этих стран активно посещаются туристами, особенно Бразилия, Куба и Парагвай, а туристы берут на себя значительную часть национального потребления алкоголя.

Страны Латинской Америки рознятся также по составу потребляемых напитков. В большей части континента в последние годы преобладает потребление пива при небольшом (Боливия, Мексика, Эквадор) или значительном потреблении крепких напитков (Бразилия, Венесуэла, Колумбия). В некоторых из этих стран доминирование пива установилось уже давно, несколько десятилетий назад (Венесуэла, Колумбия, Мексика, Эквадор), а в других произошло в последние 5-10-15 лет (Боливия, Бразилия,

Парагвай, Перу), а до этого доминировали крепкие напитки при небольшом или ничтожном потреблении вина. На Кубе, в Гаити и Сальвадоре продолжается преобладание крепких напитков.

Таблица 5. Регистрируемое потребление алкоголя в странах Латинской Америки (2000-2001 гг.; литры чистого алкоголя в год на человека с 15 лет; в скобках указано среднедушевое потребление – пересчет автора).

Источники: Food and Agriculture Organization of United Nation, World Drink Trend 2003, Global Status Report on Alcohol 2004

Страны	Потребление	Страны	Потребление
Венесуэла	8,8 (5,8)	Бразилия	5,3
Аргентина	8,6 (5,9)	Перу	4,7
Гренада	7,4 (4,8)	Мексика	4,6
Уругвай	7,0	Белиз	4,5
Парагвай	6,7	Куба	3,7
Сьерра-Леоне	6,6	Сальвадор	3,5
Гаити	6,5	Боливия	3,4
Доминиканская Респ.	6,1	Ямайка	3,4
Панама	6,0	Никарагуа	2,5
Чили	6,0	Гондурас	2,3
Колумбия	5,9	Эквадор	2,0
Коста-Рика	5,5	Гватемала	1,6

В странах, расположенных в южной части континента, где развито виноделие, доминирует потребление вина (Аргентина, Уругвай, Чили), которое определяет общий уровень потребления алкоголя. Однако, в отличие от Уругвая, где потребление вина и, соответственно, алкоголя с небольшими колебаниями держится на одном уровне, в Аргентине и Чили в последние два-три десятилетия происходит равномерное и значительное снижение потребления с уровня 15-18 литров в начале 1960-х или 1970-х годов до 5-6 литров алкоголя в последние годы. Это происходит исключительно за счет падения потребления вина, несмотря на то, что во всех трех странах в последнее десятилетие увеличилось потребление пива до четверти потребляемого алкоголя или более того.

В последние 15-25 лет к Аргентине и Чили по части снижения потребления присоединились Боливия, Гватемала, Колумбия, Эквадор. В Парагвае, несмотря на значительный рост потребления пива за 15 лет, суммарный уровень алкоголя резко снизился за счет уменьшения потребления крепких напитков. А вот Бразилия неуклонно наращивает потребление с 2 (1961 г.) до 5,5 литров в 1997 г. за счет крепких напитков и пива (по алкоголю приблизительно поровну). К тому же в этой стране оценка потребления нерегистрируемого алкоголя довольно высока – 3 литра (1995 г.). Это преимущественно крепкие напитки домашнего производства. Приблизительно

столько же нерегистрируемого алкоголя потребляется в Мексике, но тут это слабоградусный напиток местного производства (6-7% алкоголя) на основе сока агавы. В других странах региона потребление нерегистрируемого алкоголя ниже – 1-2 литра.

Из краткого обзора можно видеть, что большинство стран Латинской Америки отразили общемировые тенденции в виде снижения потребления алкоголя при росте потребления пива. В результате потребление в регионе можно считать умеренным, во всяком случае, по сравнению со странами Европы, США и Канады.

Азия

Ради краткости для этой части обзора были выбраны наиболее населенные страны континента или государства, политически активные

на мировой арене. В этом списке (таблица 6) нет Афганистана и Тайваня из-за отсутствия данных по разным причинам. Известно только, что в Афганистане потребление алкоголя было умеренным, но в самые последние годы в связи с ростом социального напряжения и возвращением беженцев потребление растет, особенно в Кабуле.

Среди азиатских стран по потреблению алкоголя, вероятно, лидирует Республика Корея (южная) за счет того, что в стране самый высокий в Азии уровень нерегистрируемого алкоголя (около 7 литров). В последние десятилетия в связи с изменением социально-экономического статуса страны и, соответственно, стиля жизни, с резким ростом городов и городского населения не только существенно вырос уровень потребления спиртного (1 литр в 1960 г.), но также изменился его стиль с переходом от традиционных слабоградусных напитков типа пива во время еды, на крепкие, часто вне прима пищи. В результате на взрослых мужчин приходится в год 18,4 литров алкоголя и, соответственно, основная тяжесть последствий (около 12% мужчин больных алкоголизмом). Несмотря на тяжесть алкогольных проблем, в Южной Корее отразились тенденции, характерные для развитых стран: с конца 1970-х годов (16 литров алкоголя) началось снижение общего потребления при росте потребления вина (около 3,0 литров алкоголя) и пива (2 литра).

Таблица 6. Регистрируемое потребление алкоголя в странах Азии (2000-2001 гг.; литры чистого алкоголя в год на человека с 15 лет; в скобках указано среднедушевое потребление для некоторых стран – пересчет автора). – см. на следующей странице.

Источники: Food and Agriculture Organization of United Nation, WorldDrinkTrend 2003

Страны	Потребление	Страны	Потребление
Таиланд	8,47 (6,5)	Филиппины	3,75
Корея (южная)	7,71 (6,1)	Об. Арабские Эмираты	2,75
Япония	7,38 (6,3)	Сингапур	2,73
Лаос	6,72 (3,8)	Бахрейн	2,63
Кипр	6,67 (5,2)	Израиль	1,99
Корея (северная)	5,68 (4,1)	Монголия	1,96
Китай	4,45 (3,5)	Мальдивы	1,72
Ливан	4,13 (3,0)	Турция	1,48

Страны	Потребление	Страны	Потребление
Вьетнам	1,35	Шри-Ланка	0,18
Оман	1,32	Иордания	0,11
Малайзия	1,06	Индонезия	0,10
Индия	0,82	Непал	0,08
Сирия	0,62	Йемен	0,08
Бутан	0,57	Пакистан	0,02
Бруней	0,49	Иран	0,00
Катар	0,44	Кувейт	0,00
Бирма (Мьянма)	0,36	Бангладеш	0,00
Камбоджа	0,36	Саудовская Аравия	0,00
Ирак	0,20		

Совсем другая картина в Таиланде с преобладанием сельского населения (80%), которое и является основным потребителем алкоголя и поставщиком большого числа больных алкоголизмом. Преобладающим в потреблении являются крепкие напитки (7,1 литра). Нерегистрируемый алкоголь в этой стране оценивается в 2 литра.

В Японии послевоенный период начинался на фоне очень низкого потребления (меньше 2 литров на человека), однако в последующем происходил медленный, но неуклонный рост вплоть до самых последних лет (6,6 литров в 1995 г., рис. 1-3, и 7,4 в 2000 г.). Этому способствовала послевоенная оккупация Японии американскими войсками, привнесшими элементы американского образа жизни с относительно высоким уровнем потребления алкоголя.

Увеличение среднедушевого потребления в Японии сопровождалось увеличением потребления всех видов напитков, однако соотношение их менялось. И если раньше доминировали крепкие напитки местного производства (рисовая водка *саке*), то в последние годы доля пива стала превосходить другие напитки (до 68,5%). Однако *саке* остается традиционным атрибутом праздников. Япония стала примером того, как при сохранении старых традиций винопития произошло их дополнение новыми формами потребления за счет вестернизации (Simpura, 1995). В результате - общий рост потребления, и, соответственно, рост негативных последствий. Так, в 1987 г. в Японии было госпитализировано более 20 тысяч больных алкоголизмом (Sumida, 1990), общее число которых предположительно достигало 2,2 миллионов человек или 1,8% населения (Takagietal., 1986). Нерегистрируемый алкоголь в Японии предположительно составляет 2 литра.

Китай – страна, где за последние 40 лет потребление выросло в десять раз (в 1960 г. 0,5 литра). Эта страна отличается большим региональным разнообразием и гендерным различием в потреблении алкоголя. Так, потребление выше в северных районах, чем в южных, в сельской местности - по сравнению с городами, а мужчины выпивают в 10-13 раз больше, чем женщины. Потребление выше среди отдельных этнических групп, например, среди тибетцев и монголов. На азиатском континенте Китай выделяется также большим разнообразием потребляемых спиртных напитков, как по крепости (водка из сорго до 50-60% алкоголя), так и по видам (дистиллированные или ферментированные на основе самых разных зерновых культур, плодово-ягодные вина с использованием большого числа исходных продуктов, лечебные ликеры на основе целебных трав). Следует сказать, что в Китае много потребителей, которые относятся к алкогольным напиткам как к сакральным, а

другие считают в соответствии с традициями китайской медицины, что алкоголь «лидер лекарств, который может вести лекарства к месту болезни». Нерегистрируемый алкоголь в стране оценивается экспертами в 1 литр.

На азиатском континенте наряду с Японией и Южной Кореей качественной алкогольной статистикой располагает Израиль. Однако в этой стране нет остроты алкогольных проблем. Как и в европейских странах, потребление в Израиле снизилось к началу 1980-х годов (1975 г. – около 5 литров). К данным официальной статистики о потреблении (таблица 6) следует добавить 1,0 литр нерегистрируемого алкоголя. Среди тяжелых потребителей алкоголя в этой стране выделяются эмигранты из России, приехавшие в страну в последние 10-15 лет (Hasinetal., 1999, Rahavetal., 1999).

К сожалению информация об остальных странах азиатского континента остается ограниченной. Следует отметить, что в большинстве из них наряду со сравнительно низким потреблением (таблица 6) невысок уровень нерегистрируемого потребления, не выше 0,5 литра алкоголя. По этому показателю исключение составляют Филиппины (около 3,0 литров алкоголя, в основном вино из сахарного тростника), Турция (2,7 литра алкоголя в виде преимущественно крепких напитков типа чачи), и Индия (1,7 литра алкоголя, возможно и больше, если судить по сравнительно тяжелым последствиям в виде дорожного травматизма и отравлений).

При анализе таблицы 6 может показаться, что потребление алкоголя растет с ростом ВВП, однако вычисления показывают, что эта корреляция незначима. Более определенно можно сказать, что потребление нарастает в Азии с запада на юг и юго-восток, и первые в списке 8-9 стран, «перевалившие» уровень в 4 литра среднедушевого алкоголя, вписываются по своему потреблению в европейский ряд (таблица 4), особенно с учетом нерегистрируемого алкоголя. В целом же, потребление алкоголя в Азии остается умеренным в сравнении с западными странами.

Африка

Прежде всего следует сказать, что это беднейший континент планеты с самой низкой продолжительностью жизни населения, основная масса которого – сельские жители, а дети до 15 лет составляют 42%.

Информация об алкогольной ситуации многих стран этого континента до сих пор остается очень ограниченной, несмотря на большую работу, проделанную многими исследователями в 1980-1990-е годы, а в последнее время – большой группой ученых под эгидой ВОЗ (Baboretal., 2003, GlobalStatusReportonAlcohol 2004, 2004).

Например, для Алжира, Анголы, Гвинеи, Конго, Либерии, Ливии, Нигера, Того и Чада имеются только официальные данные о потреблении (таблица 7). Но есть африканские страны, для которых и эти данные отсутствуют (Берег Слоновой Кости).

Другие государства исследованы более подробно. Благодаря этому известно, что в производстве и потреблении спиртных напитков в Африке много экзотического своеобразия, а еще больше - разнообразия. В странах других континентов существенное разнообразие касается отдельных стран или регионов, а в Африке – часто соседних деревень, которые, правда, могут быть разделены десятками километров. В связи с экзотичностью жизни в Африке, а также ограничением информации об этом континенте приведены все известные количественные данные о потреблении алкоголя в странах Африки (таблица 7). Важно помнить, что данные таблицы составлены в расчете на жителей с 15-летнего возраста, а в Уганде, например, дети до 15 лет составляют ровно 50% населения.

XX век, особенно 1930-1950-е годы привнесли много нового в производство алкогольных напитков в Африке (Willis, 2001). До этого там не знали дистилляции, и почти все напитки готовились на основе ферментации. Развитию перегонки способствовало внедрение новых сортов кукурузы, бамбука и риса с более высоким содержанием сахара, а также развитие сахарной промышленности, сделавшей сахар более доступным для населения.

Несмотря на эти перемены, в производстве спиртного остается очень много кустарного, а часто архаичного. В Габоне, например, в напиток типа браги погружают

ржавые гвозди, якобы для ускорения брожения и повышения «крепости» напитка, в Намибии к наиболее распространенному вину из местного плода *берхеми* добавляют двуокись серы, которая якобы придает вину прозрачность, приятный цвет и аромат. А в одном из районов Ботсваны и в Уганде к напитку, похожему на пиво, добавляют кислоту автомобильных аккумуляторов. Многие африканские напитки домашнего производства содержат в токсических концентрациях метанол, сложные эфиры, свободные кислоты и другие продукты перегонки.

Потребление алкоголя в Африке не самое высокое в мире, однако его последствия становятся исключительно разрушительными в силу низкой культуры населения, почти полного отсутствия медицинской помощи во многих регионах, ужасающей бедности, очень плохого питания и множества сопутствующих заболеваний. Это по континенту в целом, но есть в Африке страны с очень высоким потреблением алкоголя как за счет легального (Уганда), так и нелегального домашнего производства (Уганда, Зимбабве). Особенность континента состоит в том, что по оценкам экспертов нелегальное потребление составляет более половины (около 60%) легального. Это самый высокий показатель в мире. А в Кении доля легальных крепких напитков и вина составляет всего 1% от общего потребления (Partanen, 1991). Это делает контроль за качеством напитков потребления (Partanen, 1991) очень трудным. Отчасти поэтому беда Африки еще и в том, что население часто употребляет очень токсичные напитки с повышенным содержанием цинка и марганца, формальдегида, канцерогенных и других веществ.

Таблица 7. Регистрируемое и нелегальное (оценка) потребление алкоголя в странах Африки (2000-2001 гг.; литры чистого алкоголя в год на человека с 15-летнего возраста; в скобках указано среднесуточное потребление для некоторых стран – пересчет автора).

Страна	Регистрируемое	Нелегальное	Страна	Регистрируемое	Нелегальное
Уганда	19,17 (9,58)	10,7 (5,4)	Центр. Африкан. Республика	1,66	1,7
Реюньон	13,39 (9,77)	-	Гана	1,54	3,6
Нигерия	10,04 (5,62)	3,5 (2,0)	Эритрея	1,54	1,0
Свазиленд	9,51 (5,40)	4,1 (2,3)	Малави	1,44	-
Бурунди	9,33 (5,04)	4,7 (2,5)	Лесото	1,38	1,5
Габон	7,93 (4,68)	-	Мадагаскар	1,38	-
ЮАР	7,81 (5,23)	2,2 (1,5)	Бенин	1,22	-
Руанда	6,80 (3,74)	4,3 (2,4)	Джибути	1,08	-
Сьерра-Леоне	6,64 (3,72)	2,4 (1,3)	Того	0,95	-
Сан-Томе и Принсипи	6,07 (3,16)	-	Эфиопия	0,91	1,0
Ботсвана	5,38 (3,23)	3,0 (1,8)	Экватор. Гвинея	0,90	-
Танзания	5,20 (2,86)	2,0 (1,1)	Тунис	0,65	0,5
Зимбабве	5,08 (2,9)	9,0 (5,1)	Мали	0,49	-
Буркина-Фасо	4,38 (2,23)	3,3 (1,7)	Сенегал	0,48	0,8
О-ва Зеленого Мыса	3,72 (2,19)	-	Марокко	0,41	-
Камерун	3,66 (2,08)	2,6 (1,5)	Судан	0,27	1,0
Сейшельские о-ва	3,61 (2,56)	5,2 (3,7)	Чад	0,23	-
О-в Морис	3,16	-	Гвинея	0,14	-
Либерия	3,12	-	Нигер	0,11	-
Замбия	3,02	1,0	Египет	0,10	0,5
Ангола	2,91	-	Коморские о-ва	0,08	-
Гвинея-Бисау	2,76	-	Алжир	0,03	0,3
Намибия	2,39	-	Мавритания	0,01	-

Конго	2,36	-	Ливия	0,00	-
Гамбия	2,27	-	Сомали	0,00	-
Конго (бывш. Заир)	2,01	-	Берег Слоновой Кости	-	-
Кения	1,74 (1,03)	5,0 (3,0)	Западная Сахара	-	-
Мозамбик	1,67	-	Майотт	-	-

Источники: Food and Agriculture Organization of United Nation, World Drink Trend 2003, Global Status Report on Alcohol 2004

В Африке доминирует потребление пива или подобных пиву напитков с использованием солода, дрожжей или хмеля. Исходными продуктами могут быть различные злаки (сорго, просо, кукуруза, ячмень, пшеница, рис), маниок (род молочайных), чечевица, различные фрукты (часто бананы или апельсины, реже кокос), ягоды и цветы (анис). Выбор исходного продукта обычно имеет сезонный характер. В некоторых местностях готовят кислое пиво (кислота 0,5%; Бенин), в других при приготовлении пива используются специи, в частности перец, листья душистых растений, табак. Крепость такого пива, как правило, 2-5% алкоголя, но иногда доходит до 11%. В Нигерии пиво готовят настолько густым и плотным, что его используют впрямую как пищевой продукт. Пиво домашнего производства в 5-6 раз дешевле промышленно произведенного, бутылированного пива, которое в силу этого потребляется в десятки раз меньше, иногда не более 0,5% общего потребления пива (Танзания). Однако в других странах, например в Кении, потребление промышленно произведенного пива составляло 16% (Partanen, 1991).

Широко распространено, особенно в прибрежных районах, вино из сока пальмы, кокосовых орехов или других плодов (анакард, ананасы), из сока молодого бамбука. Для африканцев, как и для всего человечества, спиртные напитки часто выполняют многие социальные, в частности, религиозные и ритуальные функции. Для этого чаще используется пальмовое или кокосовое вино, которые применяются также в медицинских и в некоторых других традиционных целях.

Вино сбраживается в собственной скорлупе (кокос), в сосудах из тыквы, бамбука или глины. Крепость таких напитков от 3-5% до 8-15%, но иногда для повышения содержания алкоголя в вино добавляют сок сахарного тростника, сахар или патоку. Приготовление вина в некоторых районах принимает экзотические формы. Например, кокосовые орехи оставляют на дереве, предварительно сделав в скорлупе дырку. Когда вино начинает созревать и его аромат распространяется по окрестностям, жители в течение недели круглосуточно дежурят под пальмами и бьют палками по их стволу, чтобы отогнать обезьян и слонов, привлекаемых запахом вина, и сохранить напиток для собственного употребления.

Крепкие напитки в результате перегонки перебродившего сока пальмы, сахарного тростника, «браги» на основе злаков, иногда с добавлением сахара или патоки, обычно содержат 30-40% алкоголя. Однако применяется и двойная перегонка, доводящая крепость до 80% (например, в Ботсване). При этом часто используется примитивная технология, а техническое оснащение составляют канистры из-под бензина или бочки из-под нефти. В Уганде, где крепкий напиток *waragi* - главная форма потребления, довольно широко используется фальсификация крепости этого напитка, например, за счет добавления аккумуляторной кислоты.

Достоверная статистика алкогольных психозов в Аф-

рике отсутствует, но отдельные наблюдения (Ботсвана) свидетельствуют, что это нередкое явление, как и отравления некачественным алкоголем (Кения). Алкоголь на этом континенте, как и на других – важный фактор травматизма, но здесь это чаще проявляется в виде взаимной агрессии и драк на палках, ножах или копьях. Нередкими стали случаи тяжелых избиений женщин и детей пьяными мужчинами, чего раньше не наблюдалось (Ботсвана). Во многих странах зафиксирована высокая доля пьяных водителей (до 60% проверенных; Кения) и связанного с этим травматизма на дорогах. В последние годы началось широкое распространение алкоголизма среди молодежи в связи с возрастающей безработицей.

Производством спиртных напитков в домашних условиях заняты в основном женщины, для которых торговля алкоголем становится существенным источником доходов семьи. При этом потребление алкоголя замужними женщинами порицается, а основными потребителями остаются мужчины (до 18-20 литров на взрослого мужчину; Танзания). Однако из-за осложнений семейной жизни в связи с пьянством мужей начинают злоупотреблять алкоголем и женщины.

В большой и драматичной проблеме Африки, ВИЧ-инфекции, алкоголь играет важную роль как стимулятор случайных сексуальных контактов. В Уганде эта инфекция встречается в два раза чаще среди тех, кто употребляет алкоголь по сравнению с трезвенниками (10% v.v. 5%), а в Замбии алкоголь – одна из основных причин распространения ВИЧ-инфекции, особенно среди замужних женщин.

Во многих странах Африки (например, Кения, Уганда) нелегальное производство напитков для продажи и сама продажа считаются противозаконными. Однако эта деятельность широко распространена благодаря коррупции должностных лиц (Partanen, 1991, Haugerud, 1995), особенно в Кении и Танзании. В Уганде почти официальная коррупция вокруг крепкого спиртного (Obbo, 1980) сменилась небрежением властей к этой проблеме и свободным производством и торговлей дистиллированных напитков (Willis, 2000).

Анализируя потребление алкоголя в Африке, R. Smart (1991) приходит к выводу о связи сравнительно низкого уровня потребления с низким экономическим развитием. Вместе с тем этот континент - потенциальный рынок спиртных напитков. Однако сейчас трудно сказать что-либо определенное о перспективах потребления в Африке. Можно только предполагать, что бедность еще долго будет сдерживать здесь значительный рост потребления алкоголя, особенно импортного. Не сможет обеспечить существенный рост также кустарное допотопное производство традиционных напитков.

В послевоенную пору вместе с ростом потребления в мире происходила монополизация индустрии алкогольных напитков с доминированием мощных транснациональных корпораций, особенно в области производства и

продажи пива и крепких напитков. В 1980 г. их насчитывалось 27. Оборот каждой превышал 1 миллиард долларов США, а общая сумма мировой торговли перевалила за 170 миллиардов долларов (Ashley, Rankin, 1988).

Это создает почти неограниченные возможности для рекламы спиртных напитков. Возникает опасение, что мощная реклама приведет к дальнейшему росту потребления алкоголя. Однако строго научные доказательства такого воздействия на взрослых потребителей все еще

не получены (Partanen, Montonen, 1991). Научное обоснование получило только воздействие рекламы на выбор напитков, предпочтение фирм-производителей или торгующих фирм. Многочисленные исследования этих проблем подводят к выводу, что воздействие рекламы на среднестатистический уровень потребления все еще преувеличивается. К сожалению этого нельзя сказать про потребителей детского и подросткового возраста (глава 2-2).

Глава 1-3. АЛКОГОЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ ДО И ПОСЛЕ 1945г.

Отношение советской власти со своим народом в области потребления алкоголя были по преимуществу запретительными - тоталитарному государству требовались дисциплинированные граждане. Однако была и другая, очень важная сторона этих отношений – советскому руководству для скоростного осуществления своих, часто грандиозных проектов требовались немалые средства. А поступления из-за рубежа были минимальны. Поэтому оставался один способ - мобилизация внутренних экономических ресурсов, одним из которых была винно-водочная торговля. Противоречивость этих факторов делали алкогольную политику в СССР крайне несбалансированной. Это в значительной степени заложило основы нынешних алкогольных проблем. Но прежде чем перейти к этой теме следует понять, насколько прошлая алкогольная история страны определила новейшую. Для этого стоит хотя бы кратко остановиться на истории пьянства в России.

Сегодня широко распространено представление о тяжести многовекового российского пьянства, которое считается исконным свойством населения страны. Тут обычно подверстывается пресловутое высказывание, приписываемое князю Владимиру: «Руси есть веселие пити, не может без того быти». Неизвестно точно, было ли это сказано нашим святым: выражение взято из «Повести временных лет», книги во многом легендарной. А если и сказано, то записано в разделе «Спор о вере» - как аргумент против принятия мусульманства, для которого Пророк завещал трезвость. Следует иметь в виду, что запись этого спора была сделана более чем через 100 лет после крещения Руси.

С алкогольной историей России случилась нередкая для исторической науки ошибка – она писалась главным образом как история российской элиты, совсем немного, как история городской популяции. Иначе говоря, искали там, где светло и легко увидеть, а не там, где проживала основная часть населения доцарской и царской России. Между тем именно это население формирует национальные стереотипы поведения. Никто ведь не скажет, что пьянство петровских ассамблей выросло из национальных традиций или переросло в национальный тип поведения.

Владимирово «Руси есть веселие пити...» только начало легенды о российском пьянстве, которая позже, на протяжении веков насыщалась описаниями иностранных путешественников. Однако можно ли редкие и локальные наблюдения распространять на все население? Особенно тогда, когда они противоречат реалиям жизни большого народа.

А реалии были таковы, что предки русских жили на

территории с посредственными почвами и тяжелыми климатическими условиями. Подавляющая часть населения много веков жила в бедности, скудно питалась, а из спиртного употребляла слабоградусные напитки - пиво и мёд (хмельной напиток на основе мёда). В XV-XVI веках крестьяне, составлявшие большинство населения страны, попали в крепостную зависимость, влачили полурабское существование и не могли приобретать, тем более не смели готовить крепкое спиртное. Алкогольные потребности городского населения в доцарской Руси обслуживали корчмы, где торговали едой и все тем же пивом и мёдом.

За начало производства водки в России спорят два века - XV и XVI, но хорошо известно, что с 1474 г. алкогольные напитки начали облагаться налогами. С этого времени российская власть нащупала дополнительный источник пополнения казны. Иван IV (Грозный) ликвидировал корчмы, а вместо них в 1553 г. ввел *царские кабаки*, где было велено продавать только водку без еды - в XVI веке считалось, что без закуски человек может выпить больше спиртного. Родственникам запрещалось уводить пьяниц из кабаков: "питухов от кабаков не отзывать, не гонять ни жене мужа, ни отцу сына, ни сыну отца" (цитировано по Жиров и Петрова, 1998). Кабаки стали притонами для пьяниц. В связи с ними, да царскими или боярскими пирами сделаны почти все знаменитые описания российского пьянства в средние века, англичанином Дж. Флетчером в 1588 г., саксонцем А. Олеарием в 1634 г., А. Майербергом в 1661 г., немецким дипломатом З. Герберштейном, который посетил Россию в 1517 и 1526 гг. Последний писал про то, что царь Василий Иванович построил в Москве специальное заведение «наливайки» (от «наливай-ка»; в районе Спасоналивайковских пер., между Б. Полянкой и Б. Якиманкой). Только там и только царским слугам дозволялось пить мед и пиво, запрещенное для остальных жителей города (!).

Позже кабаки распространились, но создавались они исключительно в городах, чаще по одному на город, редко и ненадолго в больших селах, принадлежавших царю. Описания российского пьянства иностранцами относятся почти исключительно к кабакам в Москве, реже – в Новгороде (Великом) и еще двум-трем большим городам страны, где иностранцам разрешалось бывать проездом. А городское население еще в 1897 составляло всего-то 14,5%. Это значит, что тяжелое пьянство в России до поры до времени было локальным, преимущественно городским явлением и вокруг кабаков. Тем более, что водка была дорогим напитком: в XVII веке ведро водки (12,3 л) было в 1,5-2 раза дороже коровы (Курукин, 1998). Следует также отметить, что в те времена водка была 20-градусной. Нелегально продолжали существовать корчмы, но эта деятельность жестоко преследовалась властями.

Пожалуй, только швед И. Кильбургер, посетивший Россию в 1674 г., оставил не только описание российского пьянства, но и подобие статистики: "... кабаков, однако, не так особенно много, ни в Москве, ни в стране. И я встретил по большой сухопутной дороге между Новгородом и Москвою, на расстоянии более 500 верст, не свыше 9-10. Даже находится много селений из 40, 50 и более дворов, в которых не найти ни капли пива. Почти каждый, а особенно все крестьяне имеют слабый напиток, называемый квасом" (цитировано по Курц, 1915). Вот вам и пьющая Россия!

За 100 лет до российской поездки И. Кильбургера в Англии, в небольшом, провинциальном городке Стратфорд-на-Эйвоне, когда там родился У. Шекспир, существовало 20 таверн, «то есть в среднем один кабак на каждые сто жителей» (Аникст, 1964). И там ежедневно, но особенно в дни праздников, широкой рекой лился эль, род крепкого, густого пива.

Существенный этап расширения пьянства в России начался при Петре I, который ввел уставное употребление водки, сначала на флоте, а позже и в армии (до 600 гр. водки крепостью в 10°). Новое состояло еще и в том, что в 1716 г., когда царь, понуждаемый опустошением казны в связи с войнами, ввел, хотя и ненадолго, свободу винокурения. С этих пор начался рост числа кабаков, которые просуществовали до 1885, когда их было около 80 тысяч. Растет и доля винных сборов в казне (Жиров и Петрова, 1998): около 30% при Екатерине II и 38% (1859) при Александре II. При этом надо иметь в виду, что структура поступления в казну резко отличалась от нынешней.

Следующий этап связан с тем, что сошлись два разные по масштабам исторические события: отмена крепостного права (1861) и значительное снижение цен на водку (1863) в связи с ростом числа заводов по производству спирта и его удешевлением. Потребление водки стало доступным малообеспеченным слоям населения. В середине XIX века в России была уже добротная для своего времени статистика, которая зафиксировала в 1863 г. почти двукратный рост потребления алкоголя (6,2 литра на человека в год в Европейской части, рис. 1-4). Это самый высокий уровень в истории царской России (Остроумов,

1914). На следующий год потребление снизилось до 4,1 литра и далее продолжало снижаться до начала 1890-х (2,6 л). Это происходило отчасти за счет планомерного в течение 30 лет повышения акцизов в 2,5 раза. Однако в начале 1890-х начался подъем потребления в связи с ростом промышленности, миграцией сельского населения в город и превращением его в фабричных рабочих (3,3 литра в 1913; рис. 1-4). Для сравнения следует отметить, что в начале XX века среднедушевое потребление алкоголя во Франции превышало 20 литров, в Италии - 15 литров, в Испании, Швейцарии и Великобритании - 10 литров, в Германии и США - 7 литров (Влассак, 1928; цитировано по Афанасьев, 1997, и рис. 1-2б).

1-я Мировая война и «общественный договор» 1914 г., послевоенная и послереволюционная разруха, голод, и «полусухой» закон 1919 г. (запрет на изготовление и продажу спиртных напитков выше 12°) держали потребление алкоголя на очень низком уровне.

Однако закон 1919 г. просуществовал недолго: в 1923 г. на июньском пленуме ЦК РКП(б) был поставлен вопрос о государственной монополии на продажу водки. Вокруг принятия соответствующего закона развернулась горячая дискуссия между И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким, который выступал против монополии и считал недопустимым «построить бюджет на продаже водки». Победила позиция Сталина и его приверженцев: с 1 января 1924 г. закон 1919 г. был отменен, а в августе 1925 г. - принято постановление о государственной монополии на производство водки. В своем отчете XIX съезду ВКП(б) И. Сталин говорил: «Если у нас нет займов, если мы бедны капиталами, и если ... мы не можем пойти в кабалу к западноевропейским капиталистам ..., тут надо выбирать между кабалой и водкой». В беседе с делегациями иностранных рабочих И. Сталин оценивал введение продажи водки как «временную меру», которая «должна быть уничтожена, как только найдутся... новые источники... доходов... для развития нашей промышленности». «Временная мера» существует по сей день, правда, без фактической монополии.

В 1927 г. госпродажа алкоголя (3,7 литра на человека в год без учета самогона) достигла предвоенного уровня.

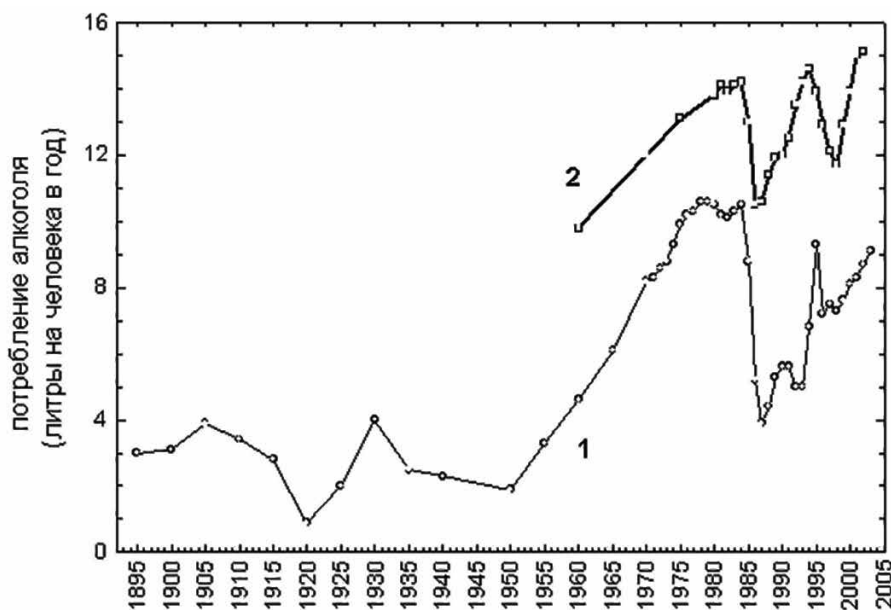

Рис. 1-4. Потребление алкоголя в России в 1863-2002 гг. 1 — данные официальных статистик (источник: www.naasnt.ru), 2 — усредненная оценка реального потребления по Tremi (1997), Госкомстат РФ и Nemtsov (2000).

Это одна сторона дела, а другая состояла в том, что тогда же был принят закон по борьбе с самогонварением (второй, более жесткий - в 1932 г.). В 1927 г. было принято постановление правительства об антиалкогольной деятельности местных органов власти, права которых в этом направлении были дополнительно расширены в 1929 г. (Зайграев, 1992). Вера советского руководства в идеологические императивы привели к созданию и насильственному распространению по стране «Всероссийского общества борьбы за трезвость». Развернулась бурная антиалкогольная пропаганда, по стране прокатилась волна инспирированных сверху «конференций пьющих» обувщиков, текстильщиков и других, прилюдно клеймящих свою пьяную жизнь.

Эти мероприятия, а также становление в стране репрессивного режима во всех областях жизни привели к тому,

что ко времени 2-ой Мировой войны госпродажа алкоголя снизилась до 2,3 литра на человека в год (1940г.), а самогонварение стало минимальным. В 1950г. потребление из государственных источников было еще ниже (1,9 литра).

Начало быстрого роста потребления алкоголя в СССР совпало с началом алкогольного бума в Европе. Уже в 1958 г. государственное производство вина и водки в стране удвоилось, а в 1965 г. утроилось по сравнению с 1950 г. Росту потребления способствовал переход на 5-дневную рабочую неделю в 1967 г. Стремительный рост продаж продолжался и далее (4,5 л в 1960 г., 8,2 в 1970 г. и 10,5 в 1980 г.; рис. 1-4). За 30 лет прирост составил 358 %.

Но это только официальная статистика. В послевоенную пору получило широкое распространение самогонварение, которое до войны сдерживалось жесткой репрессивной политикой советского руководства. Только в трех республиках СССР (РСФСР, Украинская и Белорусская) в 1956 г. к уголовной ответственности было привлечено около 18 тысяч человек, а в 1957 г. – более 23 тысяч. В 1958 г. появилось первое постановление ЦК КПСС и Правительства по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Органам милиции было предписано проводить «разъяснительную работу». В результате только за два первые месяца этого года население «добровольно сдало» или у него было изъято более 20 тысяч самогонных аппаратов. Но эти меры не остановили самогонварения, и в 1960 г. по оценке V.TremI (1997) алкоголь самогона превысил алкоголь госпродажи (5,2 vs. 4,6 л). Дальнейший рост самогонварения сдерживался наращиванием государственной торговли спиртными напитками. Однако в конце 1970-х-начале 1980-х самогонварение добавляло к госпродаже 3-4 литра среднестатистического алкоголя (Госкомстат РФ, TremI, 1997, Немцов, 1997; рис. 1-4).

В послевоенное время формируется особенно грубая культура потребления алкоголя в России, новая не только количественно, но и качественно. Пьянство в царской России, если и носило форму «загульного» (эквивалент английского термина «bingedinking»), было преимущественно праздничным, теперь и в праздники, и в будни, часто в рабочее время и на рабочем месте, с вовлечением молодежи и женщин, пьянство которых до того считалось позором.

Интересно то, что общемировые количественные стандарты по росту алкогольного потребления выдерживались в СССР, несмотря на «железный занавес», опустившийся вокруг страны в 1948-49гг, несмотря на существенные различия экономических условий в СССР и на Западе. Потребление довольно равномерно росло и в период «оттепели», и в годы застоя. Этот процесс не остановили ни первое (1958 г.), ни второе (1972 г.) постановление ЦК КПСС и Правительства по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Это свидетельствует о том, что в СССР помимо собственных причин расширения пьянства отразились глобальные тенденции потребления алкоголя и общность перемен в мире во второй половине XX века. Национальной особенностью было очень высокое потребление, доминирование крепких напитков и большая доля нелегального алкоголя.

Ряд независимых исследователей предложили оценки реального потребления алкоголя в СССР на рубеже 80-х годов: Г.Г.Заиграев - 11 л в 1980 г. (Заиграев и Мурашов, 1990), V.TremI - 11,46 л в 1979 г. (TremI, 1982), Ф.Шереги 12,6 л в 1980 г. (Шереги, 1986), B.Segal - 12,76 л в 1975г. и 17,00 л в 1984г. (Segal, 1990) на человека в год (пересчет

зарубежных оценок потребления с 15-летнего возраста в среднестатистическое сделан автором). Позже оказалось, что Госкомстат СССР (и РСФСР) по заданию Правительства с 1980 г. производил секретные расчеты объема самогонварения в стране (5,2 л 100 % алкоголя на человека в год). Это вместе с госпродажей (8,7 л) дает оценку общего потребления в 1980 г. в 13,2 л (в РСФСР 13,5 л).

За исключением данных B.Segal разброс оценок не очень велик и составляет 2,2 л (20% от минимальной). B.Segal скорее всего зависил расчеты потребления в СССР (на 6 л от минимальной или на 55%). Вероятно это произошло за счет очень вольного использования сообщений советской прессы, идеологически тенденциозных в связи с началом антиалкогольной кампании. Три первые оценки, как и расчеты Госкомстата СССР, довольно близки и показывают очень высокий уровень потребления алкоголя в СССР (в среднем 12,1 ± 0,5 литра, что на 39% больше госпродажи). Это существенно отличается от показателей, которые сообщали в ВОЗ советские исследователи о потреблении алкоголя в СССР (8,7 литров; Ураков и Мирошниченко, 1991).

Следует отметить, что в начале 80-х годов, как и во многих других странах, в СССР и России потребление стабилизировалось (таблица 1), «был достигнут определенный «потолок» в масштабах как пьянства, так и заболеваемости алкоголизмом» (Ураков и Мирошниченко, 1989). По мнению авторов «этот предел отражал естественный суммарный результат всех взаимодействующих в то время социально-экономических и психологических факторов». К сожалению, авторы не привели доказательств этого интересного положения, не раскрыли содержание «социально-экономических и психологических факторов», а рыночные реформы показали, что население России оказалось способным поднять свой «потолок» еще выше.

Среди республик СССР Россия занимала одно из первых, если не первое, место по потреблению алкоголя. Во всяком случае, госпродажа спиртных напитков в России (10,5 литров, 1984г.) уступала только Эстонии и Латвии. Однако оценка реального потребления в Латвии в 1984г. была несколько ниже российской (13,4 против 14,2 литров; Nemtsov, 1992).

Госпродажа, оценка реального потребления и нерегистрируемого алкоголя в России с 1970 по 2001 г. представлена в таблице 1 (методика расчетов реального потребления приведена в главе 2-4). Последующие расчеты будут построены преимущественно на усредненных оценках из трех независимых источников для 1980-1994 гг.: Госкомстат РФ, TremI (1997) и Nemtsov (2000).

Один из важнейших показателей алкогольной ситуации перед началом антиалкогольной кампании - очень высокий уровень госпродажи алкоголя в России (официальный показатель 10,5 литров в 1984 г.), превышающий потребление в таких странах, как Великобритания (6,9 л), США и Канада (8,0 л), Австралия (8,9 л; WorldDrink-Trends. 1991).

Другое важное обстоятельство - очень высокая доля нерегистрируемого алкоголя, потребляемого в России в тот же период (35% в 1984 г.; таблица 1). К примеру, 12 % нерегистрируемого алкоголя в Финляндии при учетном потреблении 6,6 л считались одним из самых высоких показателей в Европе (Osterberg, 1987).

Госпродажа алкоголя вместе с нерегистрируемыми спиртными напитками в 1984г. вывели Россию на первое место в Европе. Франция, долгое время державшая мировое лидерство в этой области, непрерывно снижавшая

потребление с 60-х годов (рис. 1-2б), именно в этом году перешла на второе место (13,5 л) после России (14,2 л). На третьем месте оказалась Португалия (12,8 л).

Третья особенность российского потребления - очень высокая доля крепких напитков, которая без учёта самогона в начале 1980-х годов превышала половину (55,9 %, 1984 г), а с учетом самогона была около 70%. В Швеции в 1984г, доля крепких напитков составляла 43 %, в ФРГ и США - 31 %.

Для краткой характеристики потребления накануне антиалкогольной кампании необходимо отметить плохое качество напитков в России, хотя низкосортные плодово-ягодные вина (легендарная «бормотуха») в общем потреблении составляли сравнительно небольшую часть, около 8 % (1984г.), а выпуск их сокращался (5,9 л в 1980г. и 4,8 л в 1984г.; данные Госкомстата РСФСР). Но проблема качества спиртного этим не исчерпывалась. Значительное количество очень плохих и дешевых портвейнов скрывалось в ассортиментной рубрике «вино виноградное». Но были ли они виноградным вином? Таким вином конечно был поставляемый из Алжира «Солнцедар», давно просроченный для употребления и прибывавший в черноморские порты в танкерах, отмытых от перевозимой до того нефти.

На этом фоне был ли самогон главной бедой потребителей? По некоторым оценкам небольшие примеси сивушных масел (высокоатомные спирты - до 0,5 % объема) увеличивали его токсичность на четверть (Филатов, 1986). Однако следует обратить внимание, что эта, как и многие другие оценки токсичности самогона, были сделаны во время антиалкогольной кампании, когда в изобилии создавались «алкогольные страшилки». Сейчас показано, что токсичность высокоатомных спиртов (основная часть сивушного масла) вполне сравнима по токсичности с двухатомным (винным или этиловым) спиртом, который составляет 40 % объема, а сивушные масла - не более 1% (Нужный, 1995).

Была еще одна широко известная, но малоисследованная сфера потребления - ворованный спирт. За пределами медицинских и некоторых других учреждений это был, главным образом, технический спирт, проблема качества которого никак не учитывает возможность потребления человеком. Воровство спирта на производстве было рядовым и широко распространенным явлением («для протирки оптических осей» - расхожая шутка того времени). Километровые очереди с ведрами выстраивались за ворованным «Солнцедаром», когда в Одессу прибывал очередной нефтеналивной танкер с этим вином. Менее известно, но возможно большим по объему было воровство во время транспортировки спирта в цистернах по железной дороге. Это был исключительно технический спирт, да еще с огромным количеством примесей окислов железа или, говоря проще, с ржавчиной, которая скапливалась в придонном слое. Вот почему последние 200 литров спирта в цистерне получили народное прозвище «рыжик». В лучших случаях его фильтровали через завязанный рукав видавшего виды ватника, куда вставлялся сливной патрубков цистерны. И снова - очереди жителей близлежащих деревень с ведрами за спиртом или «рыжиком», который шел по более низкой цене.

Боюсь, чтобы этот раздел не стал поэмой про «рыжик», но нельзя не сказать и о том, что при поступлении цистерн со спиртом предприятию-потребителю по положению последние 200 литров («рыжик») необходимо было уничтожать. Но не таков был русский народ, чтобы дать

пропасть столь драгоценному продукту!

Последнее, что нужно отметить, это массовое потребление алкоголя в социально неприемлемых условиях, о чем свидетельствует резкое увеличение нагрузки на вырезвители (7,1 млн. человек в 1980г., что почти в 6 раз больше, чем в 1960г., при росте госпродажи алкогольных напитков в 2,2 раза). К этому нужно добавить расширение употребления спиртного на производстве, часто на рабочем месте и в рабочее время (Заиграев, 1992).

Все это вместе взятое - очень высокий уровень потребления алкоголя, преобладание крепких напитков, значительные количества нелегального алкоголя, низкое качество спиртного, употребление его в социально неприемлемых условиях - продукт послевоенной советской эпохи, небывалый до того в России. Все это имело крайне неблагоприятные социальные, экономические и медицинские последствия.

Однако для оценки этих последствий данные Госкомстата, рассекреченные в 1988-1989 г., годятся мало (глава 2-3). И тут имеет значение не столько подтасовка сводных данных в политических целях, сколько искажение исходных данных на уровне первичных источников информации. Например, в 1984г. в России смерти от алкогольных циррозов печени по данным Госкомстата России составили 6,1 % от всех циррозов печени. Это в 8-12 раз меньше в сравнении с показателями во всем мире (Smart, Mann, 1992).

Другой пример - несчастные случаи, отравления и травмы в состоянии алкогольного опьянения, которые составили по данным Госкомстата России 5,7 % от всех насильственных смертей, тогда как областные Бюро судебно-медицинской экспертизы в годичных отчетах указывали около 60 % таких случаев (1984г.). Это различие объясняется тем, что в двух документах, заполняемых в Бюро судебно-медицинской экспертизы - в свидетельстве о смерти и в акте вскрытия - алкогольная часть диагноза часто не совпадала. Первый документ является юридическим и в случае алкогольного диагноза может иметь негативные социальные последствия, второй - остается в архиве Бюро. Но именно свидетельство о смерти являлось и является источником информации для Госкомстата РФ (ныне «Росстат»), составляющего сводные показатели смертности.

Точно также частично скрывалась связь с алкоголем других показателей состояния социального здоровья населения, таких как прогулы и травматизм на производстве, криминальное поведение - высокие показатели по этим пунктам служили против руководителей разных рангов.

Суммируя сказанное, надо признать, что тяжесть алкогольной ситуации в начале 1980-х годов не могла быть оценена в полной мере по официальным данным. Но вот что настораживало тогда, еще до снятия секретности с показателей алкоголизации: огромный, в 11 лет разрыв между ожидаемой продолжительностью жизни мужчин (61,7 лет) и женщин в РСФСР (73,0 лет, 1984г.). На связь этого феномена с алкоголем неоднократно указывали западные исследователи, занимающиеся проблемами демографии нашей страны. Для сравнения в европейских странах аналогичный разрыв составлял 4-7 лет.

Теперь много больше известно об алкогольных проблемах России накануне антиалкогольной кампании, и легче объяснить странный феномен в продолжительности жизни мужчин и женщин. В 1984 г. по данным областных Бюро судебно-медицинской экспертизы состояние

алкогольного опьянения регистрировалось у 95 человек на 100 000 населения (глава 2-5), погибших от внешних причин (насильственных, в частности). В подавляющем большинстве это были мужчины. Для сравнения в Финляндии тот же показатель был меньше 30 человек.

Алкогольные потери в послевоенные годы не были известны, однако, многие другие показатели вызывали беспокойство советского руководства. Тому свидетельство - антиалкогольные постановления 1958 и 1972 гг. Второе было особенно жестким: с усилением административных мер, повышением цены на водку, ограничением ее продажи с 11 часов дня в будни и запретом продажи по воскресеньям. В начале 1960-х г. были открыты первые лечебно-трудовые профилактории (ЛТП) для лечения алкоголиков. Эти лечебные учреждения были узаконены Указом Президиума ВС РСФСР (1974г.), в соответствии с которым по решению суда в ЛТП направлялись алкоголики, нарушающие общественный порядок (в начале 1980-х гг. в ЛТП содержалось около 150 тысяч больных).

Наконец, в 1976 г. в СССР была создана специализированная наркологическая служба для лечения больных алкоголизмом и наркоманиями. До этой поры такие больные обслуживались психиатрическими учреждениями. В том же году была организована реанимационная служба, отчасти для спасения людей при отравлении алкоголем.

Как и все советское здравоохранение, наркологическая служба была организована по территориально-иерархическому принципу. Основным функциональным звеном был районный или межрайонный диспансер, в котором больные были закреплены за участковыми наркологами (от 700-800 до 1,5 тысяч больных на врача). Диспансерам были подчинены врачебные и фельдшерские наркологические пункты в отдаленной местности или на больших предприятиях. В 1984г. на учете в наркодиспансерах СССР находилось 4,3 млн. алкоголиков (в РСФСР - 2,8 млн.), в 2-3 раза больше было неучтенных больных в населении.

Начальное лечение и последующее периодическое наблюдение в течение 5 лет (с 1988 г. - 3 года) было обязательным для больных, состоящих на учете в диспансерах. В случае неблагоприятного течения или осложнения алкоголизма в виде алкогольного психоза больных помещали в стационарные отделения при диспансерах или в психиатрические больницы. Большое количество больных лечилось в стационарах, созданных при промышленных предприятиях, заинтересованных в дешевом рабочем труде.

В широком спектре алкогольных проблем страны деятельность наркологической службы была направлена на

решение узкой задачи - на лечение алкоголизма и отчасти на его профилактику. Но решение и этой ограниченной задачи было сужено исключительно медицинским подходом. Более важные в проблеме алкоголизма социальные и психологические задачи не только не решались, но и не были запланированы изначально. Впрочем, создание новой службы в то время (1976 г.) свидетельствовало о героизме ее создателей, а также о том, что советская власть под давлением насущных задач начала сдавать свои жесткие идеологические позиции.

За восемь лет работы диспансеров круг алкоголиков, находившихся на учете в РСФСР, увеличился в два раза (90,0 на 10 000 населения в 1976г. и 183,9 в 1984г.; Галкин и соавторы, 1988), как и количество больных алкоголизмом, поступавших в больницы в течение года (15,1 и 31,2 на 100 000 населения в те же годы). С 1977 началось снижение количества больных алкогольными психозами, как состоящими на учете (54,6 на 100 000 в 1976 г. и 35,4 в 1984 г.), так и вновь заболевшие (24,8 и 20,4 соответственно).

Все это касается медицинской части проблемы. Но алкогольная ситуация в целом изменилась мало: госпродажа составляла 10,4 литра в 1977 и 10,5 в 1984 гг. Это объясняется помимо прочего тем, что после создания наркологической службы на нее была возложена почти вся ответственность за алкогольные проблемы на местах, хотя возможности службы были крайне ограничены. Советская бюрократия с помощью созданной наркологической службы на несколько лет отгородилась от тяжелых и все нарастающих алкогольных проблем страны.

Но была и другая помеха тому, чтобы выправить положение с потреблением алкоголя. Можно сказать, что в начале 80-х годов государство попало в «алкогольные тиски». С одной стороны давило очень высокое потребление алкоголя и тяжелые его последствия, снижающие экономический потенциал страны. Прямые алкогольные убытки СССР по некоторым исчислениям достигали 120-150 млрд. рублей, косвенные могли быть еще больше. С другой стороны алкоголь приносил от 12 % до 16 % доходной части бюджета (около 50 млрд. рублей из 300). По некоторым данным эти доходы были еще выше. Кроме того, у СССР были обширные и долгосрочные обязательства со своими восточно-европейскими сателлитами на закупку у них винно-водочной продукции. К 1985г. импорт этой продукции достиг 650 млн. рублей при экспорте в 77 млн. рублей.

Все это делало алкогольную ситуацию страны очень трудной проблемой. Как же ее решило новое руководство страны во главе с М.С.Горбачевым?

Глава 1-4. АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1985 г.

В официальных заявлениях руководителей СССР необходимость антиалкогольной кампании 1985г. определялась тяжестью алкогольных проблем в стране. Однако помимо деклараций руководства страны кампания имела другой, более глубокий экономический и социальный контекст и, соответственно, предысторию в два десятка лет. Политический волюнтаризм в начале кампании - лишь внешний ее признак.

Для послевоенного периода СССР были характерны высокие темпы прироста ВВП, как это часто бывает в странах с полуразрушенной экономикой. Именно это породило лозунг Н.Хрущева "догнать и перегнать Америку".

Однако в середине 1960-х гг. восстановительный период закончился, и темпы прироста ВВП резко снизились, а в середине 1960-х годов начался второй послевоенный потребительский кризис (первый - сразу после войны). Одним из бытовых проявлений нового кризиса стали т.н. "колбасные поезда" - население с периферии страны ехало за продуктами в города с особым, льготным продовольственным снабжением, например, в Москву, Ленинград и Киев.

Этот кризис стал одним из мотивов снятия Н. Хрущева с поста Генсека, а попыткой преодоления кризиса была первая "перестройка", которую можно назвать "косыгинской" (А.Косыгин - председатель Совета Министров СССР в 1964-1980 гг.). Эта перестройка быстро захлебнулась в

результате сопротивления партаппарата, который в результате реформы утратил бы часть своего контроля над хозяйственной элитой страны. Косыгинская перестройка не осуществилась еще и потому, что национальный кризис удалось преодолеть в течение нескольких лет за счет резкого повышения мировых цен на нефть после 1973 г. в результате мирового нефтяного кризиса. Это обернулось для СССР притоком нефтедолларов.

Однако в конце 1960-х годов в промышленно развитых странах Запада и в Японии началась, а в 1970-х осуществилась научно-техническая революция и переход к постиндустриальному обществу. Как частное проявление этого процесса к началу 1980-х западным странам удалось модернизировать и перестроить свою экономику, сделать ее энергосберегающей, и тем самым преодолеть нефтяной кризис. Для этого были и более общие предпосылки в виде новой организации мирового рынка по правилам, выгодным странам, развивающим наукоемкие производства, и невыгодным для стран, где доминировало сырьевое производство.

Максимум цен на нефть был достигнут в 1980 г., после чего они начали быстро падать и через 2-3 года достигли уровня, ниже себестоимости нефти, добываемой в СССР. Сократилось поступление нефтедолларов, и в стране вновь назревал потребительский кризис.

В условиях изоляции от мировой экономики и для предотвращения нового кризиса руководство сделало ставку на внутренние ресурсы, на повышение эффективности труда. Короткое, пятнадцатимесячное правление Ю.Андропова (ноябрь 1982 г. - февраль 1984 г.) ознаменовалось рядом шагов в этом направлении. С одной стороны - введение в порядке эксперимента хозрасчета в узком секторе - в ВПК (материальная мотивация к труду), с другой - отлов людей в рабочее время вне их производства, чтобы страхом "привязать" их к рабочему месту (мотивация к труду полицейскими методами).

Страхом же Ю.Андропов пытался побороть коррупцию советской властной верхушки. Наиболее громкой была деятельность следственной группы Гдляна-Иванова, в результате которой за решетку было отправлено большинство руководителей Узбекской ССР. Такие полицейские методы, по мысли Ю.Андропова, должны были стать доминирующими для наведения железной дисциплины в стране, снизу доверху, включая членов Политбюро КПСС. Материалы об их коррумпированности уже давно копились ведомством Ю.Андропова (КГБ).

Это одна, общая сторона дела, а другая состояла в том, что руководство страны начинало осознавать неблагоприятные советской системы и пыталось найти пути ее реформирования. Для решения этой задачи в 1983 г. по инициативе Ю.Андропова была создана группа советских академиков (Л.Абалкин и другие), которую возглавили молодые и новые секретари ЦК КПСС М.Горбачев и Н.Рыжков. С той же целью и в том же году прошел семинар молодых экономистов (Е.Гайдар и другие). К сожалению ни одна, ни другая «мозговая атака» не дотянула до решения, что невозможно реформировать неререформируемое.

Большие возможности повышения эффективности труда и оздоровления экономики Ю.Андропов видел в отрезвлении страны. Еще в начале 1982 г., будучи председателем КГБ, он направил членам Политбюро КПСС записку о необходимости принять постановление по усилению борьбы с пьянством. Политбюро быстро откликнулось на это созданием комиссии во главе с

А.Пельше, который привлек к работе молодых и толковых экономистов для подготовки проекта постановления.

В проекте утверждалось, что административные и запретительные меры не могут искоренить пьянство. Для этого требуется планомерная и многолетняя работа. В качестве первоочередных мер предлагалось увеличить производство сухих вин и пива, расширить сеть кафе, рюмочных и других видов распивочных заведений, которые стали робко открываться еще до принятия постановления. Этот либеральный проект вскоре был представлен Политбюро, однако ему не суждено было реализоваться: в ноябре 1982 г. умер Л.Брежнев, а в 1983 г. - А.Пельше. Во главе комиссии по антиалкогольному законодательству встал М.Соломенцев, который унаследовал от А.Пельше гораздо более важный пост Председателя КПК (комиссия партийного контроля) при ЦК КПСС. Новый руководитель двух комиссий, учитывая установок нового Генсека Ю.Андропова на укрепление дисциплины в стране, встал на путь более жестких мер против пьянства. Вместе с тем Ю.Андропов санкционировал выпуск более дешевой водки, которая, вероятно, была призвана смягчить антиалкогольные меры. Эту водку окрестили в народе "андроповкой" или "школьницей" (введена в торговлю с 1 сентября). Первоначальный проект антиалкогольного постановления А.Пельше претерпел коренные изменения в сторону ужесточения антиалкогольных мер. Однако быстрая и последовательная смерть двух лидеров - Ю.Андропова в феврале 1984г. и К.Черненко в марте 1985г. задержала его принятие и реализацию.

Между пленумом ЦК КПСС, избравшим М.Горбачева генеральным секретарем (11 марта 1985г.), и постановлением ЦК КПСС "О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма" (7 мая 1985г.) прошло меньше двух месяцев. Это постановление стало первой ширококонтрастной декларацией нового руководства страны во главе с М.Горбачевым. Почему это руководство начало свою деятельность с антиалкогольного постановления?

Нельзя сказать, что Политбюро ЦК КПСС было единодушным, принимая это решение. Ссылаясь на грузинские обычаи изготовления самогона из отходов виноделия (чача), Э.Шеварнадзе возражал против редакции раздела о самогонварении. Были и другие участники заседания, пытавшиеся смягчить отдельные, особо жесткие формулировки проекта постановления (член Политбюро и первый заместитель Предсовмина Г.Алиев, член Политбюро и Председатель Совмина РСФСР В.Воротников, секретари ЦК КПСС И.Капитонов и В.Никонов). Решительным противником постановления в целом выступил Председатель Совмина СССР Н.Рыжков, ставший только что членом Политбюро ЦК КПСС. Он предсказывал резкий рост самогонварения, перебои в снабжении сахаром и его рacionamento, а, главное, сокращение бюджетных поступлений. Однако все эти возражения разбивались о демагогические доводы Е.Лигачева и М.Соломенцева, которые стали главными и яростными защитниками постановления на заседании Политбюро. Один из их аргументов был таков, что антиалкогольная кампания должна остановить пьянство руководящего слоя партии. В конце концов, они склонили на свою сторону М.Горбачева.

Через 10 лет после начала антиалкогольной кампании и по случаю этого юбилея М.Горбачев дал интервью радиостанции "Свобода". Бывший Генсек объяснял начало кампании тем, что "страну спаивали, решая бюджетные задачи", сокрушался, что "потребление алкоголя

достигло 10,3 литров на человека, включая младенцев и стариков". А Генсек мог бы знать секретные данные Госкомстата СССР о реальном потреблении, включавшем самогон - 13,8 литров. М.Горбачев утверждал, что "постановление было умеренным", а "потом люди, боясь лишиться портфеля и кресла" проявляли "настоящий большевизм на стадии выполнения".

Однако этот "большевизм" не только находился под контролем, но и горячо поддерживался Генсеком в многочисленных его выступлениях на ТВ. Нельзя поэтому исключить, что М.Горбачев, человек в руководстве ЦК КПСС новый (с 1978г.), только что сделавший головокружительную карьеру, в первые месяцы правления чувствовал слабость своей власти, но понимал необходимость перемен в стране. А для этого он не имел достаточных рычагов воздействия на партаппарат и искал мягкую узду для консервативной партноменклатуры, начавшей укреплять свои позиции еще в последние годы жизни И.Сталина и "свалившей" Н.Хрущева, наступавшего на ее властные и материальные привилегии. Возможно, что поддержка М.Горбачевым кампании была «огнем по штабам» (Мао Цзедун), посланием Политбюро партноменклатуре, что шерстить будут и дальше, вслед за Андроповым.

Особый политический статус антиалкогольного постановления, поспешность и масштабы его реализации говорили о том, что новое руководство во главе с М.Горбачевым пришло к власти без новых идей и решило продолжать, даже развивать линию Ю.Андропова на укрепление в стране дисциплины, которая должна была стать базой ускорения для преодоления брежневского застоя и создания экономических предпосылок для постиндустриального развития. Антиалкогольное постановление ЦК КПСС, а потом и законодательство были частью "ускорения за счет человеческого фактора" без изменения в политической и социальной области. Другой частью этой политической линии было постановление о борьбе с нетрудовыми доходами, с частной инициативой на личных садовых участках. Горбачевское "ускорение" по сути дела было широкомасштабным и жестким наступлением на куцые права граждан, слегка расширенные во время хрущевской "оттепели". Стоит вспомнить, как в 1985-1986 гг. дружинники крушили ломом частные парники и теплицы, а бульдозеристы срезали сверхнормативные квадратные метры домиков на садовых участках, как «общественность» ликвидировала печурки в этих помещениях-маломерках. Были еще кампании по борьбе со спекуляцией, с проституцией, продолжались «усадки» диссидентов. Все это – признаки возврата к мобилизационному стилю руководства, характерному для советской системы. Антиалкогольная кампания 1985 г. была самой шумной и самой скандальной. К сожалению, она была также самой последовательной, но не единственной. В этом одно из объяснений ее «головакружительного успеха».

В 1987 г. стало ясно, что «ускорение» развития страны провалилось, что «застой» имел более глубокие причины в политической и социальной сферах. И М.Горбачев начал смену курса, от "ускорения" к "перестройке и гласности". Началась действительно большая политика по переходу к информационному, постиндустриальному обществу. Для этого потребовалась демократизация и гласность, свобода слова. Потребовалось урезать власть партноменклатуры, усилить власть Советов, изменить систему их выборов. На «паре рысаков» в виде перестройки и гласности М.Горбачев въехал в большую

мировую политику, забрасывая богатый Запад подарками от бедной страны ради выправления имиджа - страны и поднятия своего престижа. Подарки были приняты с благодарностью, но без экономических последствий для СССР. М.Горбачева ласкали и М.Тетчер, и Г.Коль, и другие западные лидеры. Это на внешнем поле, а на внутреннем нарастало обеднение населения, увеличивалась инфляция, близился товарный кризис, шли процессы ограбления народа, которые накануне развала СССР приняли широкий размах и скорость. Генсеку нужно было балансировать между группировками советской бюрократии, а также требовалось «спрятать» партийные деньги и собственность. Все это требовало огромного напряжения, так что было не до антиалкогольной кампании, которая тихо умерла, хотя потребление алкоголя стремительно приближалось к уровню 1984 г. Но Генсека это уже не беспокоило.

Конечно, нужно помнить, что не только с именем, но и с деятельностью М.Горбачева связан решительный поворот истории Государства Российского, позитивные плоды которого, хотя и в сильно урезанном виде, мы пожинаем до сих пор. Однако радикальные перемены в стране и обретение Россией нового международного статуса начались после целого ряда ошибочных шагов. Главным было забвение экономических реформ в угоду политическим. Это завершилось сменой строя и распадом страны. А первым неверным шагом была антиалкогольная кампания 1985 г., которая наложила в народном сознании негативный отпечаток на все последующее правление М.Горбачева, прозванного населением «Лимонадным Джо» или «минеральным секретарем». В ряду других причин антиалкогольная кампания привела к тому, что Генсек лишился поддержки большинства населения. Отчасти поэтому народные симпатии очень легко и быстро переключились с М.С.Горбачева, по-настоящему демократичного, но наивного политика, на другого лидера, Б.Н.Ельцина, которому скоро предстояло обрушить на народ беспредел «свободных цен» и лишить его сбережений, стать лидером российских «прихвизаторов» и одним из постсоветских «туркменбаши». К августовскому путчу ГКЧП 1991 г. в стране осталось мало людей, кто сочувствовал "тонущему" первому и последнему Президенту СССР.

Однако не стоит сводить утрату народной симпатии к М.Горбачеву только за счет одной его частной ошибки – антиалкогольной кампании. На это можно взглянуть шире, с позиций перестройки в целом, и сказать словами самого М.Горбачева «Новая модель потерпела поражение ... на уровне культуры народа, на уровне его менталитета. Она была отвергнута народом. Вот где причина поражения» (Горбачев, 1995).

Однако вернемся от М.Горбачева, давшему свое имя антиалкогольной кампании, к самой кампании, к поспешному ее началу. Между постановлением ЦК КПСС и ее началом (1 июня 1985г.) прошло всего три недели, которые были отпущены на подготовку широкомасштабной всесоюзной акции с далеко идущими последствиями. Как позже заявил Б.Ельцин (1990), такая "поспешность в реализации постановления, отсутствие его научной проработки и волевой характер решения свидетельствуют о незаурядных личных амбициях двух инициаторов кампании", помноженных на их некомпетентность, добавим от себя. Как говорится, у этих людей было много амбиции, но мало амуниции. Это члены Политбюро ЦК КПСС Е.Лигачев и М.Соломенцев. Именно они развили бурную

деятельность и для проведения кампании мобилизовали подчиненные им Секретариат ЦК КПСС (Е.Лигачев) и КПК при ЦК КПСС (М.Соломенцев), а вместе с этим - весь партийный аппарат КПСС. Именно эти два человека придали кампании очень жесткие, иногда гротескные, а порой и зловещие формы под лозунгом "оздоровления нравственной атмосферы в стране". Под давлением Е.Лигачева и М.Соломенцева секретари райкомов и обкомов соревновались, кто закроет больше винно-водочных магазинов, кто скорее переведет винные заводы на производство соков. Нашли и "крайнего": КПК при ЦК КПСС в результате проверки обнаружили недостатки в антиалкогольной работе Министерства здравоохранения СССР, будто это учреждение - центральное в отрезвлении населения. В частности, одному из начальников управления МЗ СССР инкриминировалось то, что он еще до начала кампании (!) призывал к "разумной мере" и "культуре потребления" алкогольных напитков, за что получил строгий партийный выговор и был снят с работы. Тогда же в прессе родилось новое ругательное слово - "культурнопитейщик".

По первоначальному плану сокращение продажи спиртных напитков должно было составить 11 % в год (именно эту, а не большую цифру отстаивал Г.Алиев), что привело бы через 6 лет к двукратному сокращению доходов государства от винно-водочной торговли. При этом предполагалось, что компенсация существенных потерь бюджета произойдет автоматически за счет "оздоровления (понимай, отрезвления - **АН**) производства", а также в связи со значительным расширением выпуска товаров народного потребления.

Основным направлением антиалкогольной кампании 1985г. было снижение потребления алкоголя посредством уменьшения государственного производства и продажи спиртных напитков. Важным считалось также искоренение самогонварения. Несколько позже, в августе 1985г. произошло повышение цен, в частности, на водку на 25 %, а в августе 1986г. - новый и более резкий рост цен на спиртное. Параллельно с этим была расширена сеть учреждений по лечению больных алкоголизмом. По Указу Президиума ВС СССР от 1 октября 1985 г. была увеличена сеть ЛТП и расширены показания для направления больных в эти учреждения (в октябре 1990 г. Комитет конституционного надзора признал этот Указ нарушением прав человека и отменил его). Кроме ЛТП была создана широкая сеть больниц при крупных промышленных предприятиях для лечения больных алкоголизмом. Такие больницы были призваны сочетать лечение с работой на предприятиях, которые тем самым получали дешевую, хотя и некавалифицированную рабочую силу. В результате лечебная эффективность у таких больных оказалась ничтожной, т.к. терапевтические задачи были подчинены производственным и вытеснялись ими, в частности, за счет ночных смен для больных.

Такой же формальный характер имели Всесоюзное общество "Трезвость". Профанацией оказались вновь созданные "алкогольные комиссии" при райсоветах и на предприятиях.

Иначе говоря, антиалкогольная кампания была направлена лишь на некоторые, наиболее доступные элементы алкогольной ситуации (рис.1-1): на выпивку, на производство напитков и их цены. Кампания никак не затрагивала базисные, потребностные составляющие этой ситуации (глава 2-1). Профанацией была попытка бороться со скукой советского общества посредством строительства в стране нескольких сотен спортивных

сооружений и кинотеатров, многие из которых так и остались недостроенными. Было много и другой демагогии, призванной укрепить кампанию идеологически. Так, например, часто вспоминали "сухой" декрет В.И.Ленина 1919 г. И было это на фоне еще одной шумной кампании в средствах массовой информации по "возврату к Ленину и неопороченному ленинизму".

Западные советологи были единодушны по поводу безуспешности антиалкогольных намерений советского руководства. Автор книги «AlcoholinUSSR» (1982) V.TremI писал в 1985 г. по поводу начавшейся кампании: "Грубое давление и страх наказания не будут действенными, ... народ станет производить самогон подпольно" (TremI, 1985). Естественно, что ни V.TremI, ни осторожные устные заявления против кампании некоторых советских исследователей (да, были и такие) не были услышаны руководством страны. Кампания началась и быстро набирала силу.

Конкретная антиалкогольная деятельность советских властей состояла в частичном закрытии или перепрофилировании винно-водочной промышленности и заводов по выпуску тары. Оборудование для строительства восьми заводов по выпуску пива, только что закупленное у Чехословакии, почти целиком стало металлоломом. Были сокращены плантации хмеля и посевы специального ячменя для пивного солода. На треть уменьшились площади винных сортов винограда, несколько его сортов, выведенных в СССР и уникальных по свойствам, погибли, что стоило жизни одному из их создателей.

В РСФСР к 1987г. почти в пять раз сократилась сеть магазинов, торгующих спиртным (в Москве - в 10 раз), а время продажи спиртных напитков было резко ограничено (сначала с 2-х часов дня). Сокращение товарооборота алкогольных напитков также опережало планы, и потери бюджета составили в 1987г. 5,4 млрд. рублей, из которых только 2,4 млрд. были компенсированы за счет расширения производства товаров народного потребления (Материалы комиссии по борьбе с пьянством при СМ РСФСР, 1988). Надо заметить, что все это происходило на фоне резкого сокращения поступлений в бюджет в связи с низкими ценами нефти на мировом рынке.

В России в 1987г. "потребление алкоголя из государственных ресурсов" сократилось в 2,7 раза или на 63,5 % по отношению к 1984г. (таблица 1), что существенно превысило запланированные темпы снижения потребления (11 % в год или 25 % в 1987 г.).

Несмотря на такие результаты, головокружения от успехов не произошло: очереди за спиртным у немногих сохранившихся специализированных магазинов резко выросли и стали многочасовыми, часто «с ночи». Началась спекуляция алкогольными напитками. Для покрытия недостачи бюджета правительство вынуждено было увеличить продажу дорогих напитков - шампанского и коньяка. В Москве, например, торговля этими напитками была восстановлена уже в сентябре 1985г.

Но главная беда состояла в том, что резко возросло производство и потребление самогона. Это следует из расчетов, приводимых в главе 2-4, а также сходным данным Госкомстата России и V.TremI (таблица 1). И это несмотря на то, что в начале кампании значительная часть самогонных аппаратов была реквизирована милицией или добровольно сдана населением, в некоторых районах России количество уничтоженных аппаратов почти равнялось количеству домов в деревнях ("Известия", 22.10.1985.). Рост производства самогона происходил,

несмотря на то, что число людей, привлекаемых к ответственности за самогонование, почти удваиваясь ежегодно с 1984г., достигло 397 тысяч человек в 1987г. (в 1988г. - 414 тысяч). А общее количество нарушителей антиалкогольного законодательства и административных правил в 1987г. превысило 10 миллионов человек.

Но именно этот год, 1987-ой, стал поворотным для антиалкогольной кампании. Решающим для этого стал дефицит бюджета, не помогли ни печатный станок, ни продажа золота. Резко выросла задолженность государства, как внутренняя, так и внешняя. Страна стала сталкиваться с трудностями выплаты зарплат, а регулярность выдачи зарплат была святым делом для советской власти. Кроме того, 1987 г. государственная политика начала поворот от "ускорения" к "перестройке", для осуществления которой, также как и для ускорения, не было средств. В этом же году за счет стремительного роста производства самогона общее потребление алкоголя начало увеличиваться, что было известно Госкомстату РФ, а возможно и правительству.

В 1987 г. председатель Совмина РСФСР В.И.Воротников направил записку в Политбюро ЦК КПСС об ошибочности методов проведения антиалкогольной кампании.

Глава 1-5. ПОСЛЕДСТВИЯ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Несмотря на краткость кампании, она была большим потрясением для страны и затронула многие стороны жизни государства и его населения. Антиалкогольное решение партийных органов, милиции и других властных структур имели серьезные моральные издержки. Со времени окончания войны престиж власти впервые упал так низко. "Пьянству была объявлена война", констатировал известный социолог. И это была действительно война одних советских граждан против других, тоже советских. Нравственные издержки увеличивались еще и потому, что воюющие стороны одинаково не видели внутреннего смысла в такой войне. И какой-нибудь милиционер, выливающий в раковину арестованный самогон, одинаково с арестованным самогонщиком сожалели об уничтожении столь желанного продукта. Значительная часть населения, если не большинство, была решительно против антиалкогольных акций властей, которые игнорировали фундаментальный закон политики, состоящей в том, что любая реформа должна опираться на психологию людей, учитывать их ценностные ориентиры и мотивации.

Главная особенность кампании – неоправданно стремительные темпы сокращения госпродажи спиртных напитков (на 63,5 % за 2,5 года, т.е. на 25% в год). Приблизительно в то же время (1986 г.) правительство Нидерландов, обеспокоенное высоким уровнем потребления алкоголя в стране (8,9 литров в 1980 г.), после тщательной подготовки начало проводить новую алкогольную политику (van Ginneken, van Iwaarden, 1989), которую также можно обозначить как антиалкогольную кампанию. Ее главным содержанием было антиалкогольное просвещение населения через СМИ. Была также большая исследовательская программа. В результате снижение потребления за три года составило 6% (т.е. 2% в год, Engelsman, 1990). И это было воспринято как сугубо позитивный итог.

В результате резкого снижения госпродажи алкогольных напитков бюджет СССР за 1985-1987гг. недополучил 49 млрд. руб. ("Правда", 24.01.89), только в РСФСР и только в 1987г. алкогольная недостача бюджета соста-

При обсуждении этой записки Политбюро передало решение судьбы кампании Совмину СССР, который по предложению своего председателя Н.И.Рыжкова постановил увеличить государственное производство и продажу винно-водочной продукции с 1 января 1988 г. Еще до этого, в июле 1987г. уголовная ответственность за изготовление суррогатных напитков без цели сбыта была заменена на административную, а 25 октября 1988г. последовало новое постановление ЦК КПСС "О ходе выполнения постановления ЦК КПСС по вопросам усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом", по сути дела положившее конец антиалкогольной кампании, хотя некоторые, запущенные ею процессы, продолжали действовать еще год-два.

Представляется интересной историческая реминисценция. Первое постановление (7 мая 1985г.) содержало все основные статьи декрета 29 января 1929г. о борьбе с пьянством и алкоголизмом, второе (25 октября 1988г.) использовало в качестве модели знаменитую статью "Головокружение от успехов" (2 марта 1930 г.; о «перегибах и извращениях в борьбе с кулачеством»). Советская власть перед развалом вынуждена была повторять ходы начала своей истории.

вила 5,3 миллиарда рублей в ценах тех лет (Материалы комиссии по борьбе с пьянством при СМ РСФСР).

Значительная часть этих сумм переключалась в карман подпольных производителей и продавцов самогона, потребление которого к 1987г. выросло почти в 2 раза (таблица 1). Государству не удалось обеспечить товарами те деньги, которые не были истрачены на алкогольные напитки. В 1985-1987гг. торговля в СССР не получила предусмотренных планом товаров народного потребления на 40 млрд. руб. и платных услуг на 5,6 млрд. руб. Неистраченные населением деньги стали давить на потребительский рынок, что и составило вклад антиалкогольной кампании в обесценивание рубля и усиление инфляции.

К 1985г. винно-водочная промышленность обладала отсталой технической базой. В результате кампании темпы обновления этой отрасли, и без того самые низкие в пищевой промышленности, снизились более чем в 2 раза. Антиалкогольная кампания переориентировала виноградарство страны на выращивание столовых сортов в ущерб техническим, идущим на изготовление вина. В результате площади, занятые этими сортами, сократились на 29 %, а закупки государством - на 31 %. Резкое падение производства алкогольных напитков сопровождалось сокращением выпуска бутылок для винно-водочной продукции (почти в 3 раза) и пива (в 1,5 раза). Многие стеклозаводы были перепрофилированы на выпуск посуды для других целей.

Самогонование не только не было ликвидировано, как предполагали инициаторы кампании, но значительно расширилось и только в 1990г., по расчетам Госкомстата СССР, вывело из пищевого употребления около 1 миллиона тонн сахара (3,6 кг на человека). Домашнее самогонование плавно переросло в подпольную водочную промышленность. В результате кампании спекуляция спиртными напитками и самогонование разрослись настолько, что стали первой всесоюзной школой рыночных отношений, заложившей основы современных алкогольных криминальных структур и мощные капиталы "водочных королей". К началу рыночных реформ в результате антиалкогольной кампании была

сформирована всесоюзная инфраструктура подпольного производства и рынка алкогольной продукции, которая поэтому оказалась наиболее подготовленной к новым рыночным отношениям.

Наркологическая служба, созданная в 1976 г., среди заинтересованных государственных структур была наиболее восприимчивой к проведению кампании, которая вдохнула еще и новую жизнь в эту отрасль медицины: количество наркологических диспансеров за 4 года увеличилось в 3,5 раза в СССР и в 4,3 раза в РСФСР. Более 75 тысяч коек для больных алкоголизмом было развернуто во вновь открытых наркологических учреждениях при промышленных и сельскохозяйственных предприятиях. Это явно избыточное количество мест заполнялось, часто насильственно, больными, которые становились чернорабочими на производствах, где не хватало именно такой рабочей силы. 40 % заработка этих пациентов удерживалось за лечение, которое по сути дела не проводилось из-за сменных, в том числе ночных условий работы предприятий.

Созданная декларативно наркологическая служба была поспешно заполнена врачами, большинство из которых не имели специального наркологического образования. До начала кампании их переподготовка шла очень медленно. Благодаря антиалкогольной кампании квалификация врачей и персонала резко повысилась; наркологические знания распространились в общую медицинскую сеть. Можно сказать, что в результате кампании квалификация практических наркологов суммарно выросла.

Этого никак нельзя сказать про научную наркологию. В отличие от практической службы научная алкология подошла к началу кампании очень слабой из-за идеологических установок и политических ограничений. Советская научная наркология была представлена двумя-тремя десятками специалистов, главным образом, клиницистами, разбросанными мелкими группами в трех-четыре учреждения Москвы и в нескольких больших городах Союза. В закрытом Институте судебной психиатрии им. В.П. Сербского существовал отдел наркологии, занимающийся преимущественно биологическими проблемами алкоголизма. А вот социальные и другие стороны пьянства и алкоголизма оставались практически закрытыми для изучения. Редкие наркологические публикации такого рода в большинстве своем имели гриф ДСП (для служебного пользования) или были засекречены.

В начале кампании, т.е. в 1985 г., единственный отдел наркологии был преобразован во Всесоюзный Центр наркологии, однако организационные неурядицы и ошибочные целевые установки еще несколько лет мешали Центру начать планомерную работу. Помимо этого Центра в стране дополнительно было создано несколько лабораторий и небольших отделов.

Тут стоит напомнить, что Национальный институт злоупотребления алкоголем и алкоголизма в США (National Institute of Alcohol Abuse and Alcoholism) был создан в 1970 г., а к 1985 г. он уже превратился в крупный исследовательский центр мирового уровня.

Несколько усиленная советская алкология продолжила свою генеральную линию - изучение проблемы алкоголизма, далеко не исчерпывающей всех алкогольных проблем, хотя в мировой алкологии по призыву ВОЗ уже в начале 1970-х годов произошел сдвиг с проблемы алкоголизма на "проблемы, связанные с употреблением алкоголя" (Room, 1984).

Несмотря на создание "единой целевой комплексной программы", почти ничего не было сделано для изучения и оценки алкогольной ситуации в стране, ее прогноза на ближайшее будущее. Так что в области науки кампания не оставила заметного следа, несмотря на принудительное подключение к программе большого числа непрофильных институтов и рост числа публикаций в области алкологии (глава 2-3). И, главное, большие возможности такого «эксперимента», как антиалкогольная кампания, были упущены.

В отличие от этого антиалкогольная кампания произвела значительные демографические изменения. Уже в первый месяц кампании (июнь 1985 г., Андреев, 2002) было отмечено существенное снижение смертности мужчин и, соответственно, рост их ожидаемой продолжительности жизни, которая к 1987 г. увеличилась на 3,2 года у мужчин (на 5,2 %) и 1,3 года у женщин (на 1,8 %), достигнув 64,9 и 74,3 лет (глава 2-5). Антиалкогольная кампания в России сберегла жизнь более чем миллиону человек (глава 2-5). И это главный позитивный итог кампании.

В результате антиалкогольных мероприятий снизилась не только смертность, но и заболеваемость, особенно та, которая напрямую связана с употреблением алкоголя. Например, в 1987 г. частота алкогольных психозов в РСФСР уменьшились в 3,6 раза по сравнению с 1984 г. Этот факт рассеивает широко распространенный и прочно укоренившийся предрассудок о том, что во время кампании, при значительном снижении среднего потребления "алкоголики как пили, так и пьют". Но это не так. Алкогольный психоз бывает только у больных алкоголизмом, и если количество психозов уменьшилось, значит снизилось потребление алкоголя больными алкоголизмом. Это коснулось, главным образом, больных, относительно сохранных, как клинически, так и социально (Воробьев и Худяков, 1988).

Стоившая немалых средств массовая антиалкогольная пропаганда мало повлияла на отношение россиян к алкоголю: как у больных алкоголизмом, так и у половины здоровых мужчин критичность к злоупотреблению алкоголем оставалась "карикатурно сниженной" (Морозов, 1988).

Казалось бы, впервые за последние 20 лет, увеличив ожидаемую продолжительность жизни и сократив смертность, кампания еще раз продемонстрировала витальную опасность пьянства. Стало меньше пьяного хулиганства и пьяной преступности. Однако этот урок не был усвоен: для населения гораздо большее значение имели принудительный характер кампании и насильственные приемы ее проведения. Это значительно сузило психологическую и социальную базу антиалкогольной идеи, которая состоит в том, что чрезмерное употребление спиртных напитков является большим злом, как для отдельного человека, так и для общества. Сокращению числа людей с антиалкогольной установкой способствовал также провал кампании по борьбе с самогонварением. Но, главное, власти на примере кампании не научились тому, что спиртные напитки, выпивка в кампании - часть культуры не только российского, но и более широко - современного общества, у которого есть потребность в алкоголе (глава 2-1). А потребности невозможно изменить декларативно, да еще за короткий срок. Вот почему антиалкогольная кампания не принесла освобождения российской жизни от алкогольных проблем.

В связи с темой последствий антиалкогольной кампании уместно остановиться на расхожем представлении

о том, что кампания породила в нашей стране эпидемию токсикоманий и наркоманий, а также наркобизнес. Однако рост наркоманий в нашей стране начался за несколько лет до 1985г. и происходил под влиянием других, как международных, так и внутренних факторов.

Связано это, главным образом, с тем, что в 1970-х годах произошло некоторое насыщение наркотиками американского рынка. Это привело к тому, что мировой наркобизнес начал осваивать западноевропейский рынок и новые пути его снабжения из Центральной Азии. Дополнительным стимулом к этому явилось некоторое временное подавление двух из трех т.н. "золотых треугольников" - главных регионов производства наркотиков и наркобизнеса в мире: Колумбийского (Колумбия, Перу, Боливия) и Таиландского. В силу этого третий "треугольник", включающий Пакистан, Иран и Афганистан, начал функционировать более активно. Для транспортировки наркотиков из этого "треугольника" СССР отводилась роль транзитной территории. Этому способствовала слабая техническая оснащенность нашей таможенной службы и ее неподготовленность к выявлению грузов такого рода. Поэтому наркотики, закамуфлированные под нейтральные грузы, легко пересекали российскую границу в обоих направлениях. Однако питательной средой всяких форм наркобизнеса, включая транзитный, являются наркоманы.

Для роста наркоманий в нашей стране большое значение имела война в Афганистане в прошлом (с декабря 1979 г.), а позже - прозрачность афганотаджикской границы, наркобизнес таджикской оппозиции, а главное - заводское производство наркотиков, налаженное в Афганистане талибами, которые жестоко расправлялись с частным наркобизнесом. Афганистан стал одним из главных источников опия на рынках нашей страны. Как раз в это время в Иране началась очень жесткая репрессивная политика в отношении наркотиков. Это вывело страну из состава третьего "золотого треугольника" и тем самым блокировало один из главных путей транспортировки наркотиков на Запад. Все это привело к формированию нового мощного "треугольника" (Пакистан, Афганистан и Таджикистан-Горный Бадахшан). Расширился и укрепился также новый путь транспортировки через страны СНГ. Были также внутренние факторы роста наркоманий в СССР в предшествующий кампании период.

Антиалкогольная кампания вызвала рост наркотизма в России, но, почти исключительно в форме токсикоманий, которые пошли на убыль с ростом потребления алкоголя (Лужников и соавторы, 1989; рис. 1-5). А круг проблем в связи с наркотиками непрерывно расширялся, продолжая тенденции, возникшие до начала кампании. Постепенно увеличиваясь, количество наркоманов вышло за пределы, необходимые для решения задач транспортировки наркотиков. С начала 1990-х годов наркомании стали большой и самостоятельной проблемой России.

При этом следует иметь в виду, что суммарно негативные проблемы, связанные с наркотиками, по своим масштабам не идут ни в какое сравнение с алкогольными. В качестве иллюстрации можно привести несколько примеров. Первый - смерти от внешних причин, в частности,

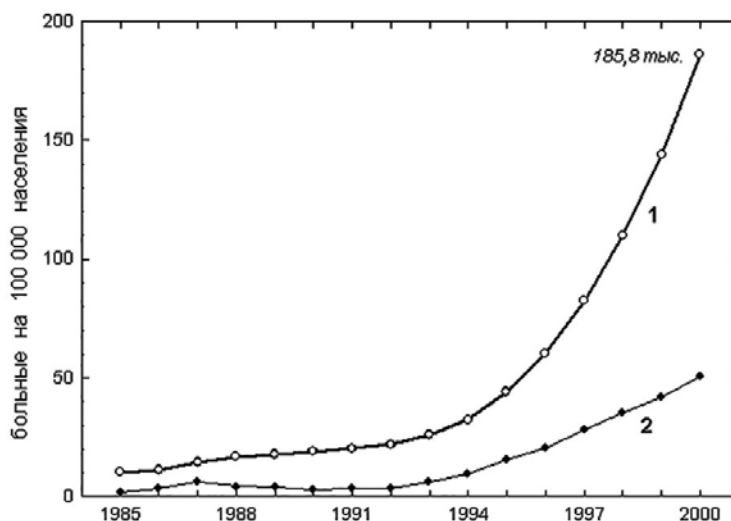
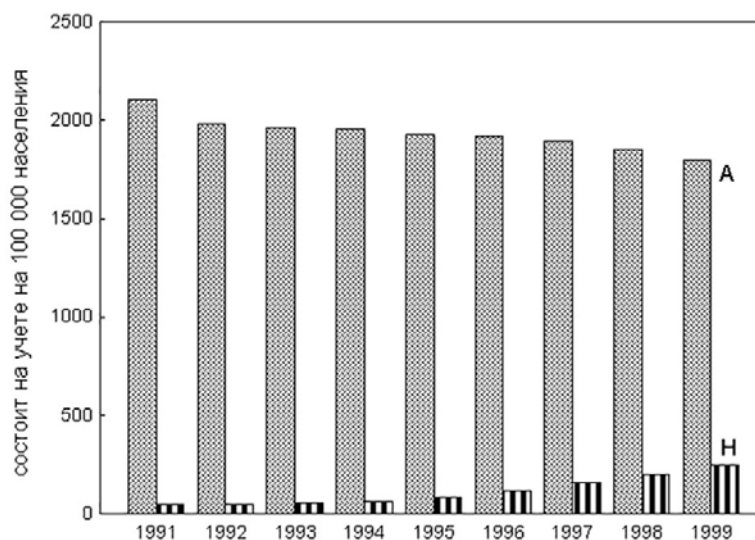

Рис. 1-5. Количество зарегистрированных наркоманов в России в 1985-2000 гг. 1 - состоящие на учете, 2 - впервые зарегистрированные (источник: Госкомстат РФ).

насильственные, в алкогольном и наркотическом опьянении составляют 52,3 % и 0,1 %. Другой – смерти при отравлении алкоголем и от передозировки наркотиков: более 40 тысяч и 3,5 тысячи соответственно (2004 г.). И еще – число людей, состоящих на учете по поводу алкогольных проблем, резко превосходит число состоящих на учете по поводу проблем наркологических (рис. 1-6). Даже с поправкой на большую закрытость наркоманий эти цифры косвенно отражают соотношение тяжести проблем потребления алкоголя и наркотиков в нашей стране.

Рис. 1-6. Состоящие на учете больные с диагнозом: хронический алкоголизм + алкогольные психозы + злоупотребление алкоголем (А), наркомании + токсикомании + употребляющие наркотические и психоактивные вещества (Н); 1991-1999 гг. (источник: Кошкина и другие, 2000)

Нет сомнения, что наркотическая зависимость индивидуально протекает более тяжело, чем алкогольная, и охватывает сравнительно молодых людей. Более того, идет «омоложение» наркоманий (рис. 1-7). Поэтому большой опасностью является расширение наркобизнеса и наркотизма в России. Однако суммарно алкогольные проблемы страны настолько преобладают над наркологическими, что уже давно требуется осторожный пересмотр приоритетов. Преобладающий интерес к проблемам наркоманий в нашей стране долго формировался

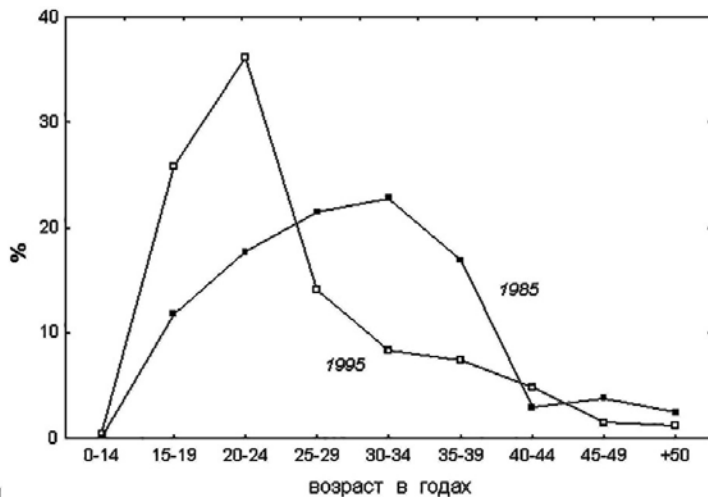

Рис. 1-7. Распределение по возрасту больных наркоманиями и токсикоманиями по возрасту в 1985 и 1995 гг. (Москва, стационарные больные; Шамота и соавторы, 1998).

прессой, некоторыми административными структурами и научными коллективами. Для этих источников были важны установки Запада, где алкогольные проблемы с 80-х годов пошли на убыль, а наркологические продолжают оставаться острыми. Но даже в промышленно развитых странах, где спиртное потребляется в полтора-два раза меньше, чем у нас, а наркотики - больше нашего, алкоголь остается наиболее широко используемым наркотиком, который наносит огромный урон экономике. Так, в США материальный ущерб от злоупотребления алкоголем составил в 1986 г. 54,7 миллиарда долларов, а от употребления наркотиков - 26,0 (Reisch, 1987). Несомненно, что относительная разница материальных потерь от алкоголя и наркотиков в России еще больше в силу большего различия размеров потребления того и другого в США и России.

Однако пьяные традиции российской жизни, сформиро-

ванные в послевоенный период, ставшее привычным российское пьянство, связанная с этим кажущаяся естественность алкогольного урона, как материального, так и человеческого, долго отодвигали алкогольные проблемы на второй план. Этому способствовал провал антиалкогольной кампании, а также - мощное алкогольное лобби. Кроме того обилие совсем новых для России неалкогольных проблем, в частности, бедность большей части населения, разрушение социальных и моральных норм («аномия» Э.Дургейма) затушевывают драматизм алкогольной ситуации в России, но не уменьшают его размеров.

В контексте последствий антиалкогольной кампании нужно отметить еще одно, очень важное обстоятельство: кампания пришлось на годы перестройки экономической и социальной жизни страны, ломки государственного аппарата и смены лидеров. По сути дела происходил глубокий разлом истории страны. В это историческое время значительные усилия М.Горбачева и госаппарата были отвлечены на реализацию антиалкогольных постановлений, а внимание населения было сужено противодействием этим мероприятиям. В центре сознания многих людей было, где бы достать бутылку, а у руководства страны - как эту бутылку не дать или отобрать у людей. Не только поэтому, но и поэтому всем им, и властям, и народу, недосуг было подумать, куда ведет перестройка. А была она половинчатой и шла в направлении демократизации общества только, тогда как параллельно или даже в первую очередь необходимо было провести экономические реформы, законодательно разделить три ветви власти, развести власть и собственность, произвести стоимостную оценку государственной недвижимости (земля, недра, леса и т.д.) и заложить фундамент социальной защищенности основной части населения. Ничего из этого не было сделано. Отчасти из-за того, что огромны усилия были затрачены на проведение антиалкогольной кампании.

Как избавить подростков от зависимостей

Как избавить подростков от зависимостей: исландское чудо молодежного ЗОЖа.

Солнечный день, пятница, около трех часов дня, но в парке Лаугардалур в центре Рейкьявика почти никого нет. Сейчас каникулы - так где же все дети?

Мы гуляем вместе с Гудбергом Ионссоном, исландским психологом, и Харви Милкманом, американским профессором психологии, который часть года преподает в университете Рейкьявика.

Двадцать лет назад, рассказывает Гудберг, исландские подростки были в числе самых пьющих молодых людей Европы.

«Вечером пятницы невозможно было пройти по улице в центре Рейкьявика: было небезопасно, - добавляет Милкман. - Кругом были орды подростков, которые демонстративно напивались».

Мы подходим к большому зданию. «А здесь у нас крытый каток», - говорит Гудберг. Пару минут назад мы прошли еще два здания - для игры в бадминтон и пинг-понг. Здесь, в парке, есть беговая дорожка, бассейн с термальной водой и - наконец - несколько детей, которые воодушевленно играют в футбол на искусственном поле. Ребят сейчас нет в парке, объясняет Гудберг, потому что они в этих зданиях - занимаются спортом, или в клубах - занимаются музыкой, танцами и искусством. Или уехали за город с родителями.

Сегодня Исландия возглавляет список европейских стран,

где подростки ведут наиболее здоровый образ жизни.

Процент пятнадцати- и шестнадцатилетних, которые напивались в течение последнего месяца, упал с 42% в 1998 году до 5% в 2016-м.

Процент тех, кто когда-либо пробовал травку, снизился с 17% до 7%. Тех, кто ежедневно курит сигареты, стало всего лишь 3% вместо 23%.

Способ, которым страна добилась такого переворота, оказался одновременно радикальным и научно обоснованным. Во многом он опирался на то, что можно назвать «усиленным здравым смыслом». «Это самое выразительное и глубокое исследование стресса в жизни подростков, которое я видел в своей жизни, - говорит Милкман. - Я просто потрясен тем, как прекрасно все получается».

Если бы исландская модель была принята в других странах, полагает Милкман, она могла бы пойти на пользу психологическому и физическому здоровью миллионов детей, не говоря уже о бюджетах здравоохранительных институтов и всего общества. Если бы.

«Я оказался в эпицентре шторма наркотической революции», - объясняет Милкман за чаем в своей квартире в Рейкьявике. В начале семидесятых, когда он проходил интернатуру в психиатрической больнице Бельвью в Нью-Йорке, «ЛСД уже существовал, многие курили марихуану, и вопрос, почему люди принимают те или иные наркотики, вызывал большой интерес».

В своей кандидатской Милкман пришел к выводу, что люди выбирают героин или амфетамин в зависимости от того, как они предпочитают справляться со стрессом: героинщики хотят оглушить себя, а те, кто употребляют амфетамин, встречают стресс лицом к лицу.

После публикации этой работы Милкман оказался в числе ученых, отобранных Национальным институтом по проблемам злоупотребления наркотиками для того, чтобы ответить на следующие вопросы: почему люди начинают употреблять наркотики? почему продолжают это делать? когда они достигают порога злоупотребления? когда они бросают и почему срываются?

«Любой школьник может сказать, почему люди начинают употреблять наркотики. Потому что есть такая возможность, потому что они готовы пойти на риск, они одиноки, может быть, и депрессия играет свою роль, – рассказывает Милкман. – Но почему они продолжают употреблять? Так я добрался до вопроса о пороге злоупотребления, и меня осенило: возможно, такие люди стоят на этом пороге еще до того, как пробуют наркотик, потому что злоупотребление – это их способ справляться с проблемами».

В Столичном университете штата в Денвере Милкман много работал над идеей о том, что у людей вырабатывается зависимость от изменений в химии мозга.

Подростки, предпочитавшие встречать стресс лицом к лицу, искали сильного возбуждения – и получали его, воруя покрышки, проигрыватели, а потом и машины, или употребляя стимулирующие вещества.

Конечно, алкоголь тоже меняет химию мозга: это усыпляющее и успокаивающее средство, и сперва оно усыпляет чувство контроля, а это может избавить от комплексов и в какой-то мере снизить тревожность.

«Люди могут зависеть от алкоголя, машин, денег, секса, калорий, кокаина – от чего угодно, – говорит Милкман. – Нашей визитной карточкой стала идея поведенческой зависимости».

Эта идея породила другую: «Почему бы не создать социальное движение, построенное вокруг естественных источников кайфа и вокруг людей, которые получают кайф благодаря химии собственного мозга – потому что для меня было очевидно, что люди хотят изменить сознание – но без отрицательных эффектов наркотиков?»

К 1992 году команда Милкмана выиграла правительственный грант в размере 1,2 млн долларов на проект «Самопознание», предлагавший подросткам альтернативы наркотикам и преступности, альтернативы, которые могли дать ощущение кайфа естественным путем.

Ученые принимали в число участников проекта подростков старше четырнадцати лет, которые не считали, что нуждаются в лечении, но имели проблемы с наркотиками или мелкими правонарушениями.

«Мы не говорили им: «Вы поступаете на лечение». Мы говорили: мы научим вас всему что захотите: музыке, танцам, хип-хопу, рисованию, боевым искусствам». Идея была в том, что разнообразные занятия могут обеспечить изменения в химии мозга подростков и дать им то, что им нужно, чтобы сделать их жизнь лучше. Кому-то было необходимо снизить уровень тревожности, а кто-то искал острых ощущений.

В то же время подростков обучали жизненным навыкам, которые были нацелены на то, чтобы они начали думать лучше о самих себе и о своей жизни, а также научились лучше взаимодействовать с другими людьми.

«Мы исходили из того, что антинаркотическая пропаганда не работает, потому что никто не обращает на нее внимания. Нужно научиться жить с этой информацией», – рассказывает Милкман.

Детям сказали, что курсы трехмесячные. Некоторые остались в программе на пять лет.

В 1991 году Милкмана пригласили в Исландию рассказать об этой работе и о его открытиях и идеях. Он стал консультантом первого в Исландии центра по лечению

наркотической зависимости у подростков в городе Тиндар. «Центр был создан с мыслью предложить детям занятия получше», – объясняет он. Именно здесь Милкман познакомился с Гудбергом, который тогда был студентом-психологом и волонтером в центре. Они стали близкими друзьями.

Милкман стал регулярно приезжать в Исландию с лекциями. Эти лекции и центр в Тиндаре привлекли внимание молодой исследовательницы из Университета Исландии по имени Инга Дора Сигфусдоттир. Она задалась вопросом, можно ли использовать здоровые альтернативы наркотикам и алкоголю как часть программы не по лечению проблемных детей, а по предотвращению алкоголизма и наркомании?

В 1992 году четырнадцати-, пятнадцати- и шестнадцатилетние подростки в каждой исландской школе заполнили анкеты с подобными вопросами: Пробовал(а) ли ты когда-нибудь алкоголь? Если да, когда ты выпивал(а) в последний раз? Бывал(а) ли ты когда-нибудь пьян(а)? Пробовал(а) ли ты курить сигареты? Если да, как часто ты куришь? Сколько времени ты проводишь с родителями? Близкие ли у тебя отношения с ними? На какие занятия ты ходишь?

Опросы повторили в 1995-м и 1997-м.

Результаты оказались тревожными. В целом по стране почти 25% участников опроса ежедневно курили, более 40% бывали пьяны в течение последнего месяца. Когда ученые проанализировали данные более внимательно, они смогли точно идентифицировать наиболее и наименее проблемные школы. Анализ выявил четкие различия между жизнью тех подростков, которые начинали пить, курить и принимать наркотики, и тех, которые этого не делали.

Несколько факторов, как оказалось, надежно защищают детей: участие в организованных занятиях, особенно спортивных, три-четыре раза в неделю; общее время, проведенное с родителями в течение недели; ощущение, что в школе до тебя кому-то есть дело; возвращение домой до темноты.

«В то время существовали самые разные программы по предотвращению употребления запрещенных веществ, – рассказывает Инга Дора, которая помогала обрабатывать данные опросов. – В основном они были просветительскими». Детям рассказывали об опасностях употребления алкоголя и наркотиков, но, как заметил и Милкман в США, эти программы не работали: «Мы хотели предложить другой подход».

Мэр Рейкьявика тоже был заинтересован в том, чтобы попробовать что-то новое, и многие родители поддерживали эту идею, добавляет Йон Сигфуссон, брат и коллега Инги Доры. В 1999 году открылся Исландский центр социальных исследований и анализа, он присоединился к его работе. «Ситуация была плохая, – говорит он. – Было очевидно, что нужно что-то делать».

Постепенно, с использованием данных опросов и идей исследователей, в том числе Милкмана, был внедрен новый государственный проект под названием «Молодость в Исландии».

Законы были изменены. Продажа табака людям младше 18 лет и алкоголя людям младше 20 лет стала незаконной, рекламу запретили. Связи между родителями и школой были укреплены за счет создания родительских организаций, которые по закону должны были существовать при каждой школе, как и школьные советы с участием родителей. Родителей призывали посещать лекции, где им рассказывали, что гораздо важнее просто проводить с детьми больше времени, чем изредка уделять им все свое внимание; что стоит говорить с детьми о своей жизни, узнавать, с кем они дружат, и держать их дома по вечерам.

Кроме того, был принят закон, запрещающий детям в возрасте от 13 до 16 лет находиться на улице после 10 вечера зимой и после полуночи летом. Он до сих пор в силе.

«Дом и школа», национальное зонтичное объединение для всех родительских организаций, ввело соглашения,

которые родители должны были подписывать. Содержание этих соглашений варьировалось в зависимости от возраста детей; каждая организация была вправе сама решать, какие пункты включать в это соглашение. Родители детей в возрасте от тринадцати лет и старше могут обязаться следовать всем рекомендациям, а также, например, не разрешать подросткам устраивать вечеринки без взрослых, не покупать алкоголь несовершеннолетним и приглядывать за другими детьми.

Эти соглашения просвещают родителей, а кроме того, укрепляют их авторитет дома, утверждает Хрефна Сигурйонсдоттир, глава «Дома и школы»: «Так становится сложнее использовать старое как мир оправдание: а всем остальным можно!»

Спортивные, музыкальные, танцевальные и другие кружки получили дополнительное государственное финансирование. Это было сделано для того, чтобы у детей, помимо употребления алкоголя и наркотиков, были другие способы почувствовать себя частью коллектива – и в целом почувствовать себя хорошо.

Дети из небогатых семей стали получать денежную помощь для участия в кружках. Например, в Рейкьявике, где живет более трети населения страны, по «карточке отдыха» семьям выделяется 35 тыс. крон (19 тысяч рублей) в год на каждого ребенка для оплаты внешкольных занятий.

Опросы продолжают проводиться. Раз в год почти каждый ребенок в Исландии заполняет такую анкету. Это значит, что всегда доступны актуальные и надежные данные.

Между 1997 и 2012 годами количество пятнадцати- и шестнадцатилетних подростков, которые ответили, что часто или всегда проводят время с родителями по будням, удвоилось (с 23% до 46%), а число тех, кто регулярно занимается спортом как минимум четыре раза в неделю, выросло с 24% до 42%. Курение и употребление спиртного и конопля в этой возрастной группе резко снизились.

«Молодость в Европе», которую возглавляет Йон Сигфуссон, была создана в 2006 году, после того как впечатляющие данные из Исландии были представлены на конференции «Европейских городов против наркотиков». «Там люди спрашивали: «Что вы такое делаете?», – говорит Йон Сигфуссон.

Участие в программе «Молодость в Европе» принимало скорее на муниципальном, чем на государственном уровне. В первый год действия программы к ней присоединились восемь муниципалитетов. Сегодня их уже 35 из семнадцати различных стран; в некоторых местах действие проекта распространяется всего на несколько школ, а в испанской Таррагоне в программе участвуют 4200 пятнадцатилетних подростков. Метод всегда один и тот же: Йон и его команда общаются с местными властями и разрабатывают анкету, основу которой составляют те же вопросы, что и в Исландии, плюс любые дополнения, актуальные для региона.

Например, в ряде мест в последнее время серьезной проблемой стали азартные онлайн-игры, и местные чиновники хотят понять, связаны ли они с другими типами рискованного поведения.

Всего через два месяца после того, как заполненные анкеты приходят в Исландию, исследователи высылают заказчикам предварительный отчет с результатами и сравнительные данные о том, как обстоят дела в других местах. «Информация, как овощи, должна быть свежей», – рассказывает Йон. Помимо этого, анализ должен быть локализованным, чтобы школы, родители и чиновники могли ясно понять, какие проблемы существуют в каких регионах.

Исследователи проанализировали 99 тысяч анкет из разных удаленных мест. В целом результаты показывают, что, когда речь идет об употреблении психоактивных веществ

среди подростков, защитные факторы и факторы риска, выявленные в Исландии, работают и в других местах. Есть и некоторые различия.

Йон и его коллеги дают советы и предоставляют информацию о том, что оказалось действенным в случае Исландии, но решение в свете этих результатов принимают сами муниципалитеты-участники. Порой они не делают ничего. Одна преимущественно мусульманская страна, которую Йон предпочитает не называть, отклонила результаты анализа, поскольку они выявили весьма неприятный уровень потребления алкоголя. В других местах есть готовность принимать результаты и есть деньги, но бывает гораздо сложнее обеспечить финансирование для проектов по профилактике, чем для проектов по лечению.

Ни в одной другой стране изменения не стали такими масштабными, как в Исландии. На вопрос, приняли ли где-то еще закон, запрещающий детям находиться на улице поздно вечером, Йон только улыбается. «Даже в Швеции смеются и называют это „комендантским часом для детей“!»

В Европе уровень потребления алкоголя и наркотиков среди подростков в целом снизился за последние двадцать лет, хотя нигде изменения не были настолько радикальными, как в Исландии.

Однако эти улучшения не всегда связаны с мерами, направленными на благополучие подростков. В Великобритании, например, подростки стали проводить больше времени дома, общаясь в интернете, а не лично; именно это может быть одной из главных причин снижения потребления алкоголя.

Но вот литовский город Каунас – это пример того, что может случиться при активном вмешательстве. Начиная с 2006 года город провел пять масштабных опросов, и школы, родители, организации здравоохранения, церкви, полиция и социальные службы объединились в попытке улучшить здоровье подростков и обуздать употребление наркотиков. Родители, например, ежегодно посещают восемь или девять бесплатных занятий по развитию родительских навыков, а общественные институты и НКО, которые пропагандируют заботу о душевном здоровье и управлении стрессом, в рамках новой программы получают дополнительное финансирование. В 2015 году город запустил бесплатные занятия спортом по понедельникам, средам и пятницам; также есть план создать бесплатную транспортную службу для небогатых семей, чтобы дети, которые живут далеко от спортклубов, могли посещать эти занятия.

Между 2006 и 2014 годами число пятнадцати- и шестнадцатилетних подростков, сообщивших о том, что напивались за последние 30 дней, в Каунасе снизилось примерно на четверть, а число тех, кто ежедневно курил, сократилось более чем на 30%.

На сегодняшний день участие в программе «Молодость в Европе» не системно, а исландская команда насчитывает всего несколько человек. Йон хотел бы увидеть централизованную организацию, занимающуюся расширением проекта, со специально выделенным под это финансированием. «Даже несмотря на то, что мы делаем это десять лет, для нас это не основная работа. Мы бы хотели, чтобы кто-то взял с нас пример и поддерживал работу организации во всей Европе, – говорит он. – И зачем ограничиваться только Европой?»

Инга Дора резюмирует: «Из исследований мы узнали, что нужно создать условия, в которых дети могут вести здоровую жизнь, – и тогда им не нужно употреблять вещества, потому что жить и так весело и интересно».

https://knife.media/iceland-healthy-youth/?utm_source=facebook&utm_medium=text

Адрес редакции: 655016, г. Абакан, а/я 327, т.(3903)22-83-29, (913)445-59-06, (923) 278-57-26

E-mail: trezvo@yandex.ru, www.sbnt.ru. Тираж 700 экз.

Главный редактор Г.И.Тарханов, верстка Наталья Соколова.

Редакционный совет: Н.А.Гринченко, М.А.Метелёв, А.А.Токарев

Издается на благотворительные взносы сторонников трезвости, распространяется бесплатно